

Феруза ИБРАЕВА

НЕМНОГО ПЛОХИЕ

Повесть о самоподрывах

Глава 1. В ПОНЕДЕЛЬНИК УТРОМ

«Умереть когда-то не страшно, страшно умереть сейчас».

А. Солженицын

Здесьняя весна, что знойное лето в России: греет, но не печет. Легкий ветерок ласкает щеки. Нежные тополиные листочки щебечут наверху о своём, сокровенном. Хочется жить. В это благодатное время кучка молодых людей решила погибнуть. Во имя чего? Непонятно было в те дни многим горожанам. Большая политика и высокое искусство мало трогают рядовых обывателей. Как дожить до зарплаты, не влезая в долги, не пропустить бы вечером очередную серию мыльной оперы — волновало больше, чем странные — что не поделили? — стычки некой братвы с милицией, постами ГАИ. Горожане замерли в ожидании. Не то чтобы проявили безучастность, на чьей бы стороне ни были их симпатии, полагались на государство, пребывая в уверенности, шансы боевиков навязать силовикам масштабное противостояние ничтожны.

Началось действие демонстративно. В последний понедельник марта, в начале девятого, в Старом городе, в центре рынка, возраст которого исчисляется несколькими столетиями, подорвалась женщина, нулевой образец. Вырос столб черного дыма, затрещали стёкла, расползся запах гари, земля запачкалась кровью. Полчаса спустя возле входа на рынок, у медресе, визитная карточка города, произошёл второй самоподрыв. Случались и раньше взрывы и боестолкновения. И раньше взлетали на воздух легковушки, начиненные адскими устройствами. Женщины до этого понедельника не подрывались.

Вечером по ТВ сухо сообщили, что в городе прогремели взрывы. Оба самоподрыва были не совсем логичными. Для акций было выбрано людное место, но странное время: рано утром, когда немного прохожих — вероятных жертв. В новостях особо не уточняли, что один из взрывов осуществила молоденькая девушка. Об этом Лере скажет знакомый патологоанатом. Даврон подрабатывал в морге при мединституте. Мединститут принимал погибших в тот злосчастный понедельник. Он десять лет, с перерывами на женитьбу, рождение ребенка, затем второго, учился на лечебном факультете. Между дежурствами в морге бегал на лекции. На занятии однокурсники закидали его вопросами:

- Уверен, что молоденькая?
- Не больше девятнадцати.
- Почему девятнадцать? Не восемнадцать, двадцать?
- Спелость девушек с двадцати начинается.
- Тинэйджер с неустойчивой психикой?
- Я не по психике. Я по телу. Не дозрела, щечки пухленькие, кожа гладкая.
- Какие щечки, какая кожа? Разнесло, небось, всю взрывом?
- Тело разрывает, голова целой остается.
- Конечно, голова же — коробка.
- Кишки вывалились, наверное.
- И кисти оторвало, скорее всего.

Аудитория поверила наблюдениям с благородной седой прядью в волосах патологоанатому: сведения из первых уст. Для большинства горожан террористы существовали лишь в сводках и в редких кадрах по ТВ. Даврон лично их видел, даже кромсал. Заверил:

- Чистая девушка, без макияжа.

Другими интригующими подробностями он в тот день не поделился, сохранил на несколько «потом», выдавая информацию порциями. Говорил о подорвавшейся девичье сочувственно, хотя, как положено патологоанатому, голос звучал нейтрально:

— Ну, да, молоденькая. Щечки пухлые. Прыщей нет, лоб чистый.

Лере невольно стало жалко несчастную, глупенькую девчонку. Непосредственных наблюдений Даврона хватило запрограммировать на сочувствие: «Молоденькая. Щечки пухлые. Кожа гладкая. Молоденькая. Щечки. Молоденькая». Даврон, сам того не подозревая, выстроил нейролингвистическую цепочку, кажется, так называется, но жалость к погибшей. Застучало в голове: «Молоденькая, щёчки по-детски пухлые. Молоденькая, потому что щёки еще пухлые». Молоденькая, гладкая, чистая... кто у нас? Девочка, ребёнок, дитё. Дитё невинно. Девушка — дитё. Она не виновата. Не злодейка.

Праведной войны не бывает, в войне всегда есть невинные жертвы. Без жертв — военные учения. Наутро ход мыслей изменился. Наверняка есть жертвы, трезвила себя Лера. Возникшее было сочувствие к Молоденькой не клеилось с конкретной ситуацией. Девушка покусилась на жизнь горожан, в том числе, её. Лера жила недалеко от рынка, на работу ездил с ближайшей к медресе остановки. В черный понедельник изменила маршрут, спустилась в метро, чтобы заблаговременно прибыть в министерство к важному чиновнику на назначенную аудиенцию. Если не это обстоятельство, Молоденькая могла зацепить, даже — о, ужас! — утащить с собой.

В тот понедельник Лера шла с работы как обычно. Вечерело, хотя было ещё довольно светло. Дошла почти до подъезда, где её настигло эхо автоматных «переговоров». Эхо ударило сзади в левый бок. В недоумении она остановилась, вопрошая, что это? «Война без особых причин»? Навстречу из подъезда выскочил мальчишка с горячей радостной вестью: «Ура, война! Немцы наступают». Шестилетний Ромка знал про Великую войну. В детском представлении война бывает только между своими защитниками и чужими агрессорами; в ней обязательно отыщется славное приключение и для него.

Соседи высунулись из окон. Их напугал — рассмешил? — Ромка. Автомат работал далеко, но эхом треск долетал до их высотки, минуя по пути, возможно, полгорода. Пацан готов был рвануть в сторону раздающихся очередей. Взрослые переполошились, загнали Ромку в квартиру. Мама его воспитывала одна, пропадала на работе, мальчишка развлекал себя сам.

С тех пор Лера точно знает, что не спутает автоматную пальбу с другими резкими звуками, щелчками, громом. Стрельба из автомата звучит уникально страшно. Страшной, должно быть, от разрывов миномётного огня, воздушной бомбардировки, прохода танков. Война не просто ужас, это смертельный ужас. До сих пор, если видит эпизоды со стрельбой в кино, задается вопросом: как переносят свинцовый грохот актеры? Реальная автоматная очередь звучит зычно, громко, пугающе. Почему мальчишкам и мужчинам во все времена и повсеместно нравится шум перестрелки?

На следующее утро возле медресе ничто не свидетельствовало о разыгравшейся сутки назад трагедии. Кроме огромного пятна мокрого асфальта на месте гибели шахидки. Асфальт нигде не покорежен. Кровь вчера впиталась в асфальт. Сегодня её тщательно отмыли. Кто? Кто убирается после подобных акций? Коммунальщики? Служители медресе? Милиция? Пятно высохнет. Спешащий по делам народ, место бойкое, людное, повалит из метро, наземного транспорта, затопчет зловещее место.

Неприятно было ступать по мокрому пятну. Лера аккуратно его обошла. Обычно шла напролом, времени по утрам хронически в обрез. Вошла в троллейбус, шустро заняла свободное сиденье, пусть спиной к водителю, зато не стоя, ехать предстояло далеко. Троллейбус урчал, собираясь дернуться, когда на заднюю площадку запрыгнули три милиционера. Пассажиры отпрянули от сержантов, скучковались в середине салона. Милиционеры рассмеялись. В те дни совершались нападения на тех, кто в погонах. Находиться рядом с силовиками горожане считали потенциально опасным. К милиционерам на задней площадке никто не присоединился, хотя это оживленный маршрут, пассажиров в троллейбус набилось изрядно.

Население сразу отметит данное обстоятельство и не будет сравнивать самоподрывы на рынке с терактами «черных вдов» Кавказа. Возможно, тем женщинам было за что мстить. Мстить безоружным гражданским и детям, по меньшей мере, нелогично. Не они затеяли войну.

Как только появятся, Лера прочитает «Дневник смертницы. Хадижа», «Невесты Аллаха: лица и судьбы всех женщин-шахидок, взорвавшихся в России», «Невесту Аллаха», «Живых смертниц не бывает. Чеченская киншка». В них много о семейных трагедиях и коварных долларах. Немного о транквилизаторах и девичьем позоре. И ни слова о конечной цели, ради которой женщин посылали умирать. Книги описывают голый расчет мужиков в тени. «Общее» благо — мужская тема. Зачем нужно было использовать женщин?

«Хочу, говорю, жизнь отдать — задолжала родственникам», — признается Зарема Мужахоева, про которую «Киншка». Она сдалась властям, не сумев подорваться летом 2003 в Москве. Непосредственно никого не убила. Желание жить одержало вверх, не до конца зомбированной оказалась. После ареста дала предельно откровенное интервью: «Если русские могут наши села бомбить, почему они не могут всё в горах разбомбить, где эти сидят? Боевика же видно. Почему боевиков не зачищают, а мирных зачищают? У нас в марте была зачистка, незадолго перед тем, как я ушла. Соседи донесли, что у нас будто бывают боевики. Приехало семнадцать человек, всех поставили к стене, все ковры вынесли. Зачем?»

Полина Жеребцова в своём подростковом «Дневнике» вторит: «Ракета, которую бросили на рынок (когда меня ранило) прилетела с Каспия. Журналисты это «раскопали». Только через 5 дней российские военные признались в своем промахе. Целились в другое место — в здание «Биржи», но промазали. Попали на мирный рынок». Чуть далее: «Но у чеченцев таких огромных ракет нет. Говорят, тех, кто был вблизи ракеты, разорвало на кусочки, и теперь родные узнают их по частям вещей: пуговицам, заколкам и кусочкам одежды».

Членам незаконных вооруженных формирований на Кавказе — современные абреки? — дадут шанс, предложат амнистию за добровольную сдачу федеральным властям с оружием. Зарема получит двадцать лет заключения под стражу за сотрудничество со следствием. За двадцать лет в замкнутом пространстве озвереть можно. Через несколько лет она подаст прошение о помиловании. Оно будет отклонено.

Объяснить феномен «невест Аллаха» местью за поломанную жизнь, разрушенный кров — не спекуляция традицией, подытожит анализ этих книжек Лера. Женщина заточена на уютное, приятное на ощупь, маленькое счастье размером с семью в добротном доме. Нормальные женщины — эгоистки. Судя по этим книгам, «черными вдовами» становятся глубоко несчастные женщины. Они втягиваются в мужские игры с огнем, свинцом и тротилом. Они и так несчастны, зачем их губить окончательно, вовлекая в жуткие акции? Всё же их жертвы были не впустую: война остановлена, земля восстановлена. Красивые минареты, качественные дороги, дорогие дома — народ отстроился, как и не снилось в Забайкалье или Тыве, например.

Когда понадобится информация о самоподрывах, Лера поразится, как удалось Юлии Юзик добраться до семей террористок, взять интервью? Увидеть их паспорта, фотографии? Без содействия силовиков контакт со столь значительным числом респондентов невозможен по определению. Заказали? Впрочем, не важно. У молодой журналистки сложился чудовищный по правдивости нон-фикшн. Страшные фото мертвых голов с прикрытыми глазами. Жуткое откровение в концовке: — Почему меня, журналиста, который хочет узнать правду об этих женщинах, вы арестовываете и угрожаете, а люди, которые занимаются вербовкой и организацией терактов, на свободе? Почему я знаю, кто они, а вы — нет?

Он усмехнулся.

— Мы знаем всех их лучше тебя. Всех поименно. Ты знаешь лишь десятую часть.

— Но почему вы их не арестуете, почему не раздавите? Вы что, не знаете, что правозащитные организации, базирующиеся в Ингушетии, отправляли людей на «Норд-Ост» и сейчас готовят новых?

— Знаем не хуже тебя, — выдавил он.

— Так почему же? Почему? — в этот момент я самой себе напоминала Незнайку на Луне. — Меня арестовываете за то, что я знаю. А тех, кто готовит и вывозит людей, не трогаете? Почему?!

Он долго смотрел на меня исподлобья. Сжал кулаки.

— Потому, что у нас нет такой команды.

Схема вербовки «невест Аллаха» выглядит прямолинейной до примитива: разгромленный дом, семейные неурядицы, гибель родственника, возлюбленного. В итоге сломанная судьба, депрессия, безденежье. Выход из ситуации предлагают искусные вербовщики. Заверяют: если совершат то, к чему их призывают, они прямиком и тотчас, даже агонии не почувствуют, быстро это произойдет, окажутся в раю, где нет страданий и проблем, лишь грешники «вторичной смерти ждут и не дождутся»¹.

Угасая, кому предстоит не мгновенный переход, а затяжной подготовительный период, придётся помучаться, припоминать грехи и долги; в пытках бреда, судорог, удушья вымалывать прощение. Чем не ад, ещё при жизни? Смерть прекращает мучение брэнного тела, маету воспаленного сознания. Наступает блаженство, как минимум, умиротворение. Вот бы пожить в таком состоянии! Возрождается желание жить. Желание жить запоздало, на миг, возвращается, но теперь оно ни к чему. Как только окончательное умиротворение входит в человека, его уже нет.

¹ Данте Алигьери, «Божественная комедия», песнь 1, стих 151.

Из обозначенного списка предпочтительных факторов при вербовке женщин-смертниц ни одного пункта не было у Молоденькой. Её страну не бомбили. Она не имела суицидальных наклонностей. Было здоровье, любящие родители, средний достаток, карьерные перспективы, муж — всё то, что не согласуется с изложенной схемой. Соль драмы Молоденькой в том, что самоподрыв был осознанным шагом, вдохновлён идеей и не предопределён тяжелым бэкграундом. Она выросла в благополучной семье, в атмосфере любви. Не провинциальная дикарка, наоборот, хорошо образованная, со знанием нескольких языков. Тем не менее, подорвалась. Современная городская девчонка, чуждая меркантильности, вышла на площадку перед медресе не мстить. Что-то сказать. Что? Взрывы ранним утром понедельника были запланированы явно в расчете на символизм как почин, начало. Чего?

— Паровозиком страну перевернуть. Надоели одни и те же лица в телике. Идеалисты, — для студентов ответ был ясен. Они наперебой излагали разные версии событий понедельника.

— Хотели драйва поймать, они же молодые, романтики.

— Какая романтика? Заказ отработывали.

— Шантаж устроили.

— Кого?

— Кого надо.

Лера откопает, что объединяет женщин-шахидов независимо от мотива их поступка. Женщин убеждали нацепить пояс, заставить не могли. Внушали, обрабатывали — безусловно, но насильно на них бомбы не вешали. Рискованно, могли подорваться до Х-часа. Сваливать на патологическую агрессивность, на иное психическое отклонение в объяснении самоподрывов — несерьёзно. Неадекватные персоны плохо управляют, следовательно, ненадёжные исполнители.

Какие плоды, заметные перемены принесли начинания Молоденькой, её соратников? Никто внятно не написал или Лера не наткнулась на подобный, без перегибов, анализ событий. Кто их обрабатывал, содержал? Отдавал приказы? Кто планировал подрывы, готовил пояса смертников? Сколько погибло? Статистику жертв всемирная паутина предлагала, предлагает донныне разную. Не говоря уже о разночтениях по поводу мотивов или целей участников бунта.

Лера махнула рукой на цифры и фамилии. У неё не было протекции соответствующих структур, поэтому не было доступа к материалам. Зачем они ей? Боль в ней вызывал другой интерес: почему, пусть единицы, но они были, молодых, не рожавших, образованных, благополучных женщин стали живыми бомбами? Самоподрыв Молоденькой Лера смогла воспринять и принять, вызывая, часто неосознанно, из закров памяти личные наблюдения. Спустя время количество сепарированных впечатлений перейдёт в качестве вывода. Она скажет себе: «Да, было; да, не выдумка; да, молодая».

Основной мятеж пришёлся на понедельник, чем приобрел символизм. Понедельник, первый и любимый, как все первое, день недели. С понедельника заведено начинать новую жизнь. В понедельник дела удаются, намеченный перечень выполняется до последнего пунктика. На вторник тоже составляется список дел. Он выполняется уже без энтузиазма. В среду выпадает отдых от понедельника и вторника; сил горы свернуть уже не хватает, до постели бы доползти. Четверг, пятница проживаются в темпе, скорей бы выходные. За ними новый понедельник, новый виток жизни.

Понедельник — новостной день по исламскому календарю. Согласно хадисам Пророк говорил: «Каждый понедельник и четверг мне доставляют все хорошие и плохие деяния моей общины. Когда мне доставляют благие деяния, я благодарю Аллаха, а когда доставляют плохие — умоляю Его простить их».

После самоподрывов на рынке город притих. Слухами, как ни странно, народ не делился, кроме, пожалуй, одного. Якобы накануне, в воскресенье, милиционеры проучили деда-зеленщика — как посмел сделать замечание, дескать, они перегибают палку с полномочиями — заехав ему по лицу. Старик свалился набок, скоропостижно умер. Не установить, произошёл ли инцидент со стариком в действительности, или это домысел народного творчества. Слух разросся до легенды, сослужил достойную службу: бунтари не получали сигнал из-за кордона, организовались экспромтом, заранее не обговаривая дату и место выступлений. Авторских прав на эти акции международные организации с дурной репутацией не заявили.

Место для самоподрыва Молоденькой было выбрано значимое. Медресе построено в середине XVI века внутри городской крепостной стены. За стеной разбился базар. Медресе с двориком и постройками было вплоть до XIX века не только учебным заведением, но и караван-сараям для купцов. Плахой для неверных жён. Их сбрасывали с портала на выложенную камнями площадку перед входом в медресе. В середине XX века комплекс восстановили от увечий, нанесённых временем и землетрясениями, вернули ему первоначальное предназначение — зазывать на намаз, учить книголюбив.

От центрального портала мечети направо начинается пространство рынка, рядом остановка. Через неё тянется широкая и прямая магистраль в студенческий кампус: к знаниям, диплому, профессии и самостоятельности. Для Молоденькой остановка не стала стартом во взрослую жизнь, обернулась финалом. Вчерашняя школьница провалилась при поступлении в университет. Наступила настоящая жуть, которая привела её туда, куда привела. Позже Лера удивится совпадению своих догадок с просочившимися в публичное пространство фактами биографии Молоденькой, узнает имя.

Не найдя себя в списках принятых в академию МВД, дитё обозлилось на маму, на отца, на биологического родителя, но вполне адекватный товарищ, на милицию, на белый свет, на судьбу. Обиделась, оскорбилась, озлобилась. Почти отличницу отсеяли. Ту, которая бредила оперативной работой, выросла в образ пронизательного следователя, искореняющего преступность под ноль. Ту, которая мечтала продолжить семейную династию, родители в управлении МВД трудятся, она знала о работе в системе понаслышке от них. Усердно работала на высокий аттестат. Старательно занималась спортом, думала, зачтётся. Не пригодилось.

Лера сама прошла через провал на экзаменах. Она поступит на факультет русской филологии со второго раза, закончит его без эксцессов. Работать по специальности не пойдет, ставку сделает на знание других языков. К её литературному русскому прилагались: местный на бытовом уровне; английский — время покажет, что свободный; корейский, диалект дальневосточных переселенцев, понимать гостей из Республики Корея достаточный. Лера запишется в Британский совет на языковой курс. Надеясь отточить разговорный английский с носителями языка, станет завсегдаем TOLKING CLUB. Одна из сотрудниц совета похвалит её акцент, результат развитого музыкального слуха, предложит пройти собеседование в мединститут, туда требовались преподаватели иностранных языков. Женщина заверит, с хорошим аттестатом IELTS и русиста примут на работу. Лера пройдёт отбор успешно.

И без Британского совета совершенствовать язык была уйма возможностей. В девяностые и нулевые железный занавес приотворили, в страну ринулись зарубежные миссионеры и волонтеры, инвесторы и предприниматели. Они открывали предприятия и фирмы, курсы и фонды. В массы хлынул поток незнакомой идеологии, необычного образа жизни, дефицитных товаров, неизведанных бадов. Народ разбрелся по сообществам и сектам, по курсам и ННО — туда, где вербовщики квалифицированнее. В семьях разгорались нешуточные распри братьев и сестёр, отцов и детей из-за идейных приоритетов. Жизнь бурлила на фоне закрывающихся предприятий, залон на продукты, зарплат пачками обесцененных денег, аншлагов на выступления экстрасенсов. Таким был переполох — ильга келган той.

Сложнее всего в эпоху перемен юным взрослым. Особенно тем, у кого много [лишних] принципов. Следовать принципам — дорогая блажь. Одноклассник Молоденькой, класс поголовно списывал у него, не прошёл по конкурсу на факультет международных отношений. Туда прошла крепкая троечница, глухой тормоз класса. Они опешили: бездарность станет VIP персоной. До этого они свято верили: жизнь в лице ответственных взрослых воздаёт по заслугам; медалист достоин стать студентом-международником. Они ещё не знали, твердолобые посредственности прорываются сквозь любые конкурсы, а признание способностей — далеко не успех.

Второго сентября медалист поехал забирать документы. Просидел в тени вековых дубов в университетском скверике четыре часа, глаза на веселых студентов. Мысленно подгонял опаздывающих, как можно будущим дипломатам опаздывать? Выбирал самую красивую первокурсницу, с которой обязательно сядет рядом на лекции. Увлёкся, забыл, зачем приехал в университет. Обратный поток студентов вернул паренька в действительность. Он спешно покинул универ, не забрав документы, поехал на дачу к деду. Дед, действующий профессор, готовил внука к грандиозным свершениям, назидал: «Если падать, падай с высокой ветки». Внук последовал совету деда, выбрал ветку повыше, на самом рослом и раскидистом дереве в саду, на грецком орехе. Не упал. Повесился.

Класс тяжело переживал гибель медалиста. Лучшего ученика не приняли в университет. Где справедливость?! Ан нету её в мире. Более других старательных и целеустремленных выпускников, медалиста и просто отличницу, туполобые взрослые в социальный лифт не пустили. Всем составом явились на поминки. Дед медалиста умолял ребят не расставаться с жизнью ни при каких, мрачных на их взгляд, обстоятельствах. Родители твердили: высшее образование — не главная ценность в жизни. Поздно. Они учились в специализированном классе, их приручили чертить проект жизни линейно: из школы в университет, оттуда на самый верх. Отступить от вертевшегося в голове сценария — несмысленный позор, несостоятельность, клеймо неудачника.

Просто отличницу и спортсменку звали Шахидой. Шахида зализывала рану три месяца, пока мать не сказала открытым текстом, ты девочка большая в нахлебницах

ходить, запишись на курсы, только «за», оплатим, опосля подыщем работу; не хочешь работать — замуж иди, детей рожай, муж пусть содержит; не сиди и не ной, одним словом. Девушка выбрала курсы и работу. Не следователем, как мечталось, но тоже на поприще правосудия — делопроизводителем в адвокатской конторе. Девушка, за плечами которой была школа с усиленной программой по математике, с лёту разобралась, правовые документы — набор клише с небольшой вариацией вводных данных. Она легко составляла заявления и ходатайства за адвокатов. Готовый защитник, хвалили Шахиду сотрудники. Говаривали часто, раз академия не по зубам, отучись в юридическом колледже, организуем поступление туда, с дипломом колледжа помощником адвоката назначим.

От них Молоденькая узнала про блатное и телефонное разделы права, от которых зависят досудебные соглашения; о роли гонораров в судебном процессе; о том, как влиять на показания свидетелей, искать компромат на них. Девушка справлялась с заданиями, была в шоколаде, задаривали удовлетворённые клиенты. Врут, что шоколад повышает уровень эндорфинов. Не провоцирует он гормоны радости, она только щёчки наела. Горький шоколад, ела девушка исключительно горький, не справился с обидой максималистки на систему высшего образования.

В один из обеденных перерывов Молоденькая сидела недалеко от конторы, прикрыв глаза, подставив лицо солнечному теплу. Весна, приятный ветерок, в то время как в бетонном здании, где располагался адвокатский офис, круглый год промозглая сырость. На скамью подседа женщина средних лет.

— Вы сюда? — заговорила женщина с Шахидой. Женщина явно искала сочувствие, чтобы поделиться тем, что пёрло наружу. — Я издалека.

Шахида открыла глаза, взглянула на незнакомку. Открытый лоб, выбившиеся из-под небольшого платка волосы крашены. Обычная женщина в обычном, несколько нарядном, платье, наверняка лучшем в гардеробе. Трагедия с лица не считается, как обычно у посетителей их заведения. Исходя из запроса, Шахида советовала, если клиент располагал к себе, а женщина расположила к себе, какого адвоката выбрать, поэтому поинтересовалась:

— Что привело сюда?

— Мужа, сына, невестку посадили в разные колонии. Можно их в одну колонию перевести? Хотя бы виделись. Мужу совсем плохо, болеет, — без надрыва, об аресте семьи — как о рядовой банальщине, ввела в курс дела незнакомка.

— За что? — Шахида пришла в тонус. Горькие драмы разыгрывались на бумагах, проходивших через её руки, но троих из одной семьи отправить в колонию — со столь злосчастным делом она не соприкасалась доселе.

— На молитву встали, ходили в один дом изучать Писание. Я оставалась с внуками. Всех, кто был в том доме в ту пятницу, арестовали.

Женщина не договаривает, подумала Шахида. Невестка, молодая женщина с двумя малышами, не могла совершить тяжкое противоправное деяние, за которое присуждают срок больше, чем за убийство, — семь лет. Оценив просительницу ещё раз, передумала. Похоже, не врет: простодушная, первому встречному выложила крутую историю: кому четырнадцать, кому двенадцать лет колонии строгого, даже не общего, режима.

Шахида прямо на скамейке начала составлять заявление. Поразмыслив, решила, лучше, если оно будет рукописным, не отпечатанным. Продуктивнее всего обратиться с ним к омбудсмену по правам человека. В офисе оперативно уточнила расписание омбудсмента, как проехать в центр по правам человека. Благословила, как могла, женщину в путь.

Почему большие сроки, изумится она вслух, когда просительница уйдёт. И амнистии не подлежат, просветят адвокаты. За молитвы и пост, за строгую одежду посадили надолго, громко возмутится девушка. Запрещённую литературу нашли, возможно, что-нибудь опаснее брошюр, возразят юристы. И вообще, нельзя собираться в домах для коллективной молитвы, мечеть для чего, пояснят они. Забыла, большевики с домашних ячеек начинали, отреагирует мать. И с маёвок, добавит отец, и до чего дошли? Вдруг и у них получится, задаст она вопрос отцу. Вряд ли, хотя почему нет, уклонится от ответа мужчина.

Хорошо знать историю. Она мало предсказуема, однако с завидным постоянством повторяется.

Вторник, последующие, не меньше месяца, дни прошли по накатанной колее, в суте. Молоденькая ушла в небытие до случайной встречи Леры с Давроном, вошли в один вагон метро. Поезд мчался, ветер завывал в туннеле, мешал говорить. Держась на поручни, они разговаривали во время остановок. Сидящие не могли их расслышать. Разговор свернул на тему без обмена приветствиями: как дела, что нового и т.д.

— Под наркотой были? — Лера спросила про «них». В морг, где работал Даврон, доставили не только Молоденькую, но и её соратников.

К самоподрыву привыкнуть нельзя. Нормальный человек не взорвет себя, тем более, женщина.

— Не похоже. Даже не пьют, — осёкся Даврон, — не пили. Не курили. Вели здоровый образ жизни, — объяснил, почему пришёл к такому выводу: — Свежие лица, легкие чистые. На наркоту анализы взяли. Я не видел результатов, мне не показывают. По визуальному осмотру вряд ли наркоманка.

— Не верю. Как можно подорваться на пару с подружкой? Японские камикадзе — мужчины! Перед вылетом саке выпивали, хотя годами готовились.

— наших тоже готовили. Не думаю, что годами. Скороспелки. Гадать не буду. Без транквилизаторов не обошлось, почти уверен.

— Кокнар?

О других транквилизаторах Лера была не осведомлена. С кокнаром она «познакомилась» у Бердиевых в возрасте пяти лет. Нилюфар не говорила по-русски. Её через два года отправят в русскую школу, она была ближе к дому. Лера не знала другого языка, кроме русского. Девчушки прекрасно понимали друг дружку и кукол. Повзрослев, со смехом спрашивали себя: как?

Приехал к Нилюфар родной дед — оживший старик Хоттабыч. Он немедля, с комфортом, полулежа расположился на айване под навесом. Подружки на том же айване играли в больницу. Деду принесли свежезаваренный зеленый чай, пар дымился над пиалой. Хоттабыч достал из внутреннего кармана камзола холщовый мешочек, опустил в пиалу с чаем, с усилием давил чайной ложкой набухший мешочек, затем всасывал чай маленькими глоточками. Видно было, наслаждается церемонией. В конце выудил мешочек, туго скручивая, выжал содержимое в пиалу и, это удивило девчушек больше всего, убрал мокрую тряпицу во внутренний карман камзола. Они знали, так делать нельзя, нельзя мокрые вещи прятать в карман.

Необычное питье обычного чая сфотографировалось детской памятью Леры во всех подробностях. отведав чаю, старик прилёг на подушку, свернулся калачиком, положил руку под голову, заснул совсем как малыш. Много лет спустя до Леры дошло, в мешочке был кокнар, высушенные головки мака. Не кулинарного.

— Пожалуй, седативное глотали недели за три.

— Понедельник начинается в субботу?

— Непосредственно перед заданием седативное питьё — непредвиденная реакция может развиваться.

— Например...

— В протрацию впасть, галлюцинации поймать. Не исключено, в заторможенном состоянии находилась. Хотя самоподрыв сомнамбула вряд ли совершит. Даже не знаю, что сказать.

— А я знаю. Кукловоды руководили из укрытия.

Молоденькая не могла в заторможенном состоянии приехать к месту событий автобусом или метро. «Благоверные» мужчины подвезли в назначенное время в назначенное место, подтолкнули выйти из машины, пасли недалеко. Бабахнуло, рванули живыми и невредимыми с радостной вестью до главных кукловодов, что шахида не подвела.

Выяснить отношения с властью, воевать за передел мира — сугубо мужская забава: «Когда мужик войны не видел, то он вроде нерожавшей бабы — идиотом живет»¹. Зайнаб аби из Лериной махалли любила вступать в разговор с детворой, говаривала мальчишкам: «Мне моя бабушка повторяла, я вам скажу: увидите войну». И запевала старинную прощальную частушку на татарском. Могла в пляс пуститься, притопывая правой ногой в такт куплета:

*Биз урамга уткан чакта
Кутарилде тузанлар
Я койтарбыз, я койтмабыз
Сау булыгыз, туганлар.*

Пугающее утверждение, каждое поколение увидит войну, врезалось в память Леры, хотя войны и голод были для неё далекой книжной историей. Пророчество чудаковатой бабки соседи помнили. Длинная жизнь старушки указывала на правоту сентенции. Деда выслали на Дальний Восток как раскулаченный элемент. Где похоронен, потомки не знают. Кое-как семья выжила, вернулась в неполном составе с Дальнего Востока на родной Урал. Не успели обустроиться, Великая Отечественная война началась. Во время этой большой войны дети траву ели, отруби, гнилую картошку. Обиды на государство не было, общая беда случилась.

¹ А. Платонов, «Котлован».

После Победы думали, больше не будет войны, голода. На ноги встали, одолели разруху. «Голод кукурузный», выражение Зайнаб аби, наступил. Мяса хватало, муки не достать. Она только вышла замуж, родила сына. Берет молодая мать младенца на руки, больше некому присмотреть за сыном, и к магазину. В очереди горланят, ругаются, до драк доходит. Женщину с ребёнком хвост очереди старается протолкнуть вперед. Чем ближе к продавцу, тем труднее протолкнуть. На плачущего ребёнка наплевать тем, кто близок к прилавку. Полегчало, когда талоны на продукты по составу семьи ввели. У кого родственники в России в деревнях жили, высылали посылки с мукой. Мать дочери два раза высылала муку, больше не могла. Кроме старшей Зайнаб, у женщины после войны родились ещё дети.

Праздник для Зайнаб наступил в апреле. К апрелю относилась она трепетно: «Доживём до апреля, дальше ерунда». Умерла бабка в феврале, не дождалась очередного апреля. В тот памятный для Зайнаб апрель муж частнику большую работу выполнил. С ним расплатились мукой, рисом, макаронами, печеньем. «Вот по столько принёс, — бабка делала круг руками перед грудью, вроде как мешок не обхватить. — Я ночью проснусь, встану, выйду на террасу, проверю, стоят ли продукты или мне они приписались. Мама должна была приехать в гости, чем будем кормить, обдумывала каждую ночь. В один прекрасный летний день соседка кричит через дувал: «Зайнаб, суюнчи, лысого сняли». Настоящий байрам устроили. Гуляли всей улицей. С продуктами хорошо стало».

Тем не менее, Зайнаб аби постоянно запасала продукты впрок. Покупала муку, рис, сахар мешками, макароны коробкой. Внучке привила это правило. Деньги порви, проглоти, не наешься, говаривала старушка, с запасом спокойней.

В эпоху позднего застоя Зайнаб переживала за сына, боялась, в Афганистан пошлют служить. По научению соседок заставила сына сбрить усы. Загорелый дочерна паренёк с усами походил на афганца. В народе ходил слухок, в первую очередь туда отбирают призывников, внешне похожих на афганцев. Зайнаб хулила правительство: «Зачем ворошить осиное гнездо? Они же басмачи. Сами разберутся». Афганская беда её миновала. Сына послали служить на год больше — моряком на северных морях.

Успокоилась бабка, забыла собственное пророчество. Новые подтверждения не заставили долго ждать. То месхетинцев выселяют, без солдат не обошлось. То на границе тревожно. То студентов усмиряют, опять пострадавшие. Снова, нет, не голод, дефицит. Уже не было в живых бабки, как грохнули взрывы в городе, прозвучала стрельба. Как не вспомнить: «Вот увидите, будете вспоминать Зайнаб аби, и вам войну доведётся узнать».

Ковид-19 заставит Леру вспомнить бабку в 2020-м: бронемобиль медленно едет по пустынной улице, суровый голос просит население оставаться дома. Люди в белой спецодежде с толстым экраном на лице распыляют дезинфекцию. Чем не война? Без свинца, отравляющих веществ, танков. За право дышать. Немало павших.

У каждого поколения своя война, но зачем втягивать в войну женщин, матерей, поручать им кощунственные акции? Зачем делать из жён факел? Чтоб сохранить собственные жизни — мысль, которая пришла на ум, но развивать её Лера не стала. Даврон говорил интересные вещи:

- Родственники встречались, братья, сестры. По два-три тела в один дом увозили.
- Куда?
- Конкретно? Двух братьев, например, на ММЗ.

ММЗ — жилой массив машиностроительного завода. Оазис в оазисе, зеленый и тенистый район города, по большей части частный сектор. Прорезающая микрорайон магистраль, взгляд через его просвет упирается в величественные горы на горизонте. В лабиринтах Старого города, в бетонных муравейниках окраин не тянет предаться размышлениям о судьбах страны, каждодневная беготня поглощает горожанина без остатка, не до поисков ответов на вечные вопросы. В ММЗ свежо и убрано. Дома с крепкими дувалами¹ — воплощение прайвиси, куда нет входа толчее мегаполиса. Дышится легко и свободно.

Как дышится — так думается. Иначе. Кучке молодых людей внушили, те внушились, что они — избранные, не от мира сего. Лучше обывателей? Их призвали для начала показать силу, напугать, затем сломать систему. Если бы не ваши сверстники в погонах на страже власти, учили лидеры, систему реально переделать по канонам справедливости. Что это было? Очередной преступно-глупый «розовый»² оптимизм, которым болеют смельчаки? Или крайний гнев равнодушных к проблемам общества граждан? Большинство горожан толком не были знакомы с их лозунгами; взрывы и точечные боестолкновения не откликнулись в массах. Не было ясности, что конкрет-

¹ Дувал — забор из кирпича или сыра.

² По Н. Бердяеву.

но повстанцы предлагали изменить после победы.

Одержимые ребята пьянели от внятной идеи: если «убрать» силовиков, перестроить систему на благо беспечным соотечественникам не составит труда. Смутьянов отлавливали. Наперекор системе, они множились. Не раз «репетировали»: то машину взорвут возле важных зданий, то перестрелку откроют на границе. Кто они: «Кто гиб за веру или те, кто жёг еретиков?»¹

Была ли созидательная программа перемен у мятежников? Претензии предъявлять легче, чем созидать. На деле противостояние вылилось в трёхдневную разведку боем, насколько пуленепробиваемы силовики. В итоге жертвы по обе стороны конфликта. И, увы, из случайных прохожих. Недоверие сторон углубилось до непримиримости. Победителей не было. Усвоенных уроков тоже. Через год с небольшим после беспокойной весны в городе вспыхнут беспорядки в Долине, повлекшие сотни жертв среди мирного населения.

— Один в банке работал, другой диплом врача должен был получить в июне, — Даврон не терял нить разговора, в отличие от Леры, которую тянуло на общие рассуждалки.

— Они, что, с дипломами в карманах к вам «прибыли»?

— Отец их сказал. Среди наших... клиентов немало студентов... было.

Шахиде не везло с образованием. Она не поступила на юридическое отделение и со второй попытки. Знания в объеме школьной программы остались прежними, конкурентов прибавилось, чего не учла девушка. Повторный — уже не драма, трагедия — досадный провал превратил мечтательницу в пластичный динамит. Случилась ломка представлений, ожиданий, характера. Напрасно напрягала мозги, отказывала себе в удовольствиях, натирая мозоль на пятой точке. Отними, убей мечту, которую юный взрослый возвращал годами, он подпишется под любым лозунгом, встанет под любой флаг, порвет всех, только сначала раздели беду, посочувствуй несчастью, потом мягко и тихонок попроси что угодно.

По осени обиженных на жизнь молодых парней и девушек — пруд пруди. Зачастую абитуриенты из глубинки, не зачисленные в университеты, не возвращаются под отчее крыло, скрываются от унижительного позора, шатаясь в городах. В поисках пропитания и крова на мардикер-базар мастеровых забредают. И в сети, расставленные всеми кому не лень.

У Шахиды с родителями был уговор: если не поступит на очное отделение юрфака университета, забирает документы, подает их на заочное отделение финансового института. Математика всегда при ней. Не устраивая громких страданий, она поехала за бумагами, как только стало известно, что не набрала нужного количества баллов. Абитуриентов, приехавших за документами, набралась целая траурная процессия. Ребята и девочки стеснялись взглянуть друг на друга, не общались между собой.

Рядом с Шахидой стояла девушка в красиво задрапированном шифоновом шарфе. От неё шёл приятный пряный запах. Шахида с трудом признала запах камфары. Компрессами с камфарным маслом мать лечила детскую ангину. Она ненавидела его бронебойный запах. Незнакомка не пахла резко. Запах притягивал, располагал к общению. Девушки разговорились. Оказалось, Тамара по баллам не прошла на бюджетное место, но прошла на контрактное обучение. Ей предложили забрать документы за сто пятьдесят долларов, неплохая сумма для юной девушки.

— Кто предложил? — Шахида закачалась, будто это её ударили по самолюбию: нельзя разминиваться, каков бы ни был соблазн.

— Родители одной девушки. Она не прошла на контракт. Нас трое до неё, заберём заявления, очередь на контракт сдвинется, она будет учиться.

— Троице предложили? Можно разве? — легковоспламеняющаяся юная барышня усмотрела в сделке вопиющую несправедливость.

Почему нет? Контрактное (читай: за деньги семьи) образование могут позволить не все. Девушка не виновата, что её семья способна оплатить образование, а у троицы — нет. Для гарантии, в качестве моральной компенсации, им по 150 долларов на руки выдадут. Чем не вариант? Что не самая умная девица будет юристом — всего лишь словеса. Социальный отбор выдирает в элиту самых расторопных, не брезгливых, приспособленных к реалиям, далеко не умников и умниц.

— Кто будет проверять? В приёмной комиссии посоветовали не тянуть с документами.

— Ты, — не веря, что прозвучавшее — правда, хотя разумом понимая, на самом деле, правда, Тамара скоро заберёт свою папку-скорошиватель, Шахида не сдержала внутренний протест, сглотнув комок в горле, прошипела: — Согласилась?!

— Да. Вон стоят возле машины. Увидят папку, дадут деньги, — Тамара поворотом

¹ У. Эко, «Маятник Фуко».

головы указала на женщину и мужчину возле вишневого авто. Парочка следила за ними.

Романтичная с виду Тамара говорила, не срываясь на крик, на ровном дыхании, отвечая на поступавшие вопросы Шахиды, не нарушая очередность. Вела беседу как опытный вербовщик. Погасила Шахиду за полчаса. Спокойный тон безотносительно к содержанию речи убедителен. Девочка, твой характер — это война¹. Шахиду взяло зло. Она вытянула шею в сторону Тамары, прорычала:

— Продалась за сто пятьдесят долларов? Я бы нарочно назвала полторы тыщи, чтоб не смогла купить, а документы забрала бы в сентябре.

Глядя на невозмутимую Тамару, хранившую стальное молчание, не девушка — изваяние, Шахида устыдилась, убавила пыл.

— Денег у родителей нет? — знала, любой родитель себя под проценты заложит, но достанет деньги, лишь бы ребёнок учился, раз поступил, пусть на платное отделение.

— На втором курсе подрабатывать сможешь. Главное, наскрести на первый год.

Шахида настойчиво отговаривала Тамару не забирать документы. Непреклонная Тамара не поддавалась:

— Нам нелегко найти деньги. Но я отказалась не поэтому. Юрист — мужская работа.

— Что ты знаешь об этой работе? Моя мама в МВД работает, — обиделась сначала Шахида, но быстро взяла себя в руки по примеру хладнокровной Тамары.

Между девушками потёк тихий разговор.

— Женскую работу кто делает?

— Домашнюю? Все. Я с двенадцати лет готовлю, не каждый день, конечно. За бра-тишкой смотрю. Папа маме помогает. Что плохого?

— Женщины могут, конечно, работать. С детьми, в больницах. Но они отобрали серьёзную работу у мужчин, хотят всё переделать по-своему.

— Знаешь, сколько среди мужчин жуликов? Девушек насилуют...

— Есть плохие мужчины. Мы должны довериться хорошим, дать им шанс устроить жизнь по правилам.

— Смешно.

— Многие, как ты, не верят, поэтому плохо живём. Надо провести эксперимент, отдать серьёзные задачи решать мужчинам. Тогда жизнь, думаю, изменится.

— Женщины что будут тогда делать?

— Заботиться о своём мужчине, о детях от него.

— Наподобие домашнего ареста?

— Почему? Развлекайся, только вместе с мужем.

Шахида не могла представить, как развлекаться вдвоём. Её родители в свободное время не пересекаются. На пару лишь в гости выходят:

— Если разный спорт любят? Жена, например, стрельбу, муж футбол?

Пацаны уважали Шахиду за твердую руку, за КМС по стрельбе из пистолета, щелбан по лбу даст — жди синяк. Отец привёл её в тир в военном городке, где сам пропал по выходным. Стрельба усмирит темперамент чересчур бойкой дочки, полагал он, научит отстраняться от эмоций, сосредотачиваться на цели: возникнет препятствие — рука не дрогнет. Не помогло. Девушка дрогнула от первых жизненных неудач. На площадке возле медресе натренированные руки затрясутся, клеммы не сомкнутся.

— Не знаю, как быть в подобных случаях.

Тамара встала на паузу, следом Шахида. Слишком они разные, обе замолкли. Первой очнулась Шахида. Неординарное словомыслие девушки из очереди всколыхнуло подозрения:

— Кто тебя учит насчёт мужчин, эксперимента...

— Бабушка. Её мама, моя прабабушка, была отыной. Женщины советовались с ней, она учила их правилам. Биби Шафирой звали.

— И моя прабабушка учительницей была. Эркиной звали. Паранжу сняла, представляешь? Паранжа — тяжелая, ты примеряла? — Тамара покачала головой. — А я примеряла.

— Ты же сказала, паранджу Эркиной сожгла?

— Это паранджа сестрёнки прабабушки. Ну, или Эркиной. В сундуке лежит один, короче. Надеваешь тюбетейку или под платок волосы убираешь, накидываешь на голову чёрный чачван. Видела чачван? — Тамара кивнула. — Сетка из конского волоса. Он примерно досюда, — ребром ладони Шахида перерезала себя по талии. — На сетку, в смысле на голову, чтоб сетка не сползала, специальный тяжёлый чапан.

— Специальный?

— Рукава узкие, руку не проденешь, игрушечные. Для красоты, наверное.

¹ Из песни «Девочка-война».

- Удобно?
- Неудобно, мешает. Как матрешка, одежда слоями зимой и летом...
- Одним цветом.

Девушки рассмеялись: прабабки разминулись, правнучки сошлись.

- Эркиной не влетело за паранджу? Что в костёр бросила?
- Вроде нет.
- Муж из дома не выгнал?
- Её выдали замуж за старика. Она сбежала, чтоб не забеременеть от него. Представь, нас с тобой выдали бы замуж за старика. Ты бы смогла жить со стариком?

– Нет, конечно. Бабушка говорит, паранджу сжигали по приказу из Москвы. Кто сжёг паранджу без согласия мужа, избивали, из дома выгоняли. О чём они думали? Жить негде, есть нечего, от детей отлучили. Некоторые себя поджигали. Представь, женщина горит, как факел.

– Да нет. Тряпки горят, тело не очень. Не все себя сжигали. Эркиной прекрасно устроилась. Её на учёбу послали.

- А безграмотным куда было деваться?

– Эркиной тоже безграмотная была. Отучилась здесь, послали в Москву. Вернулась, учительницей работала. А ты: «Москва приказала». Москва ей профессию дала, другую жизнь показала. Я б хотела в Москве учиться. Вот ты в Москве была? – услышав Тамирино «нет», Шахида продолжила тираду: – Женщины сами захотели паранджу сбросить. Смотри, – она покрутила головой, – у всех лица открыты, разве плохо? Видно, кто красивый, кто добрый, а кто вредный. У твоих противные рожи, – она изобразила взглядом презрение к спонсорам Тамары. – Я не собираюсь скрывать лицо. Мое лицо, что хочу, то делаю. Не нравится, пусть не смотрят на меня, как эти, твои.

Спонсоры не отводили глаз от беседовавших девушек, сторожили. Шахиду подмывало подойти к ним, напугать: «Сейчас ректору пойду скажу, какую аферу проворачиваете тут». Знала, не пойдёт из-за Тамары. Что оставалось? С ненавистью щуриться в их сторону. Или высунуть язык, соорудить гримасу. Дуракавалание не одобрила бы Тамара. Ограничилась злобным прищуром.

– Не надо лицо скрывать, только волосы, шею надо прикрыть. Твоя красота будет принадлежать одному мужу, чтоб не соблазнились другие мужчины.

– Мужчин надо упрягать в паранджу, если соблазняются. Почему я должна скрывать красоту, если она есть?

- Лицо открыто – достаточно.
- А волосы, фигура? А если я лысая?
- Муж будет жить с лысой.
- Сбежит.
- Если вступил в никах, не сбежит.

Шахиду покорило «муж будет жить с лысой». Интересней и интересней становилось спорить с Тамарой.

– Шарф бабушка заставляет носить? Не мешает? – спортивная Шахида ценила в одежде в первую очередь комфорт. – От солнца защищаешься?

- Покрытая голова – знак, что покорила Всевышнему.
- Как ошейник на собаке. Потуже натяни – заскулит, повинется.

– Побойся. Всевышний припомнит в судный день всё, что ты говорила, – Тамара отвернулась. – Поэтому он не помог тебе с юрфаком.

Шахида считала, причина её провалов – отвернулась фортуна. Она знала, и это было сущей правдой, что не уступает успешно одолевшим конкурс ни по интеллекту, ни по устремлениям. Просто им повезло. В очереди за документами ей впервые сказали, существует иная зависимость, не от судьбы, от Всевышнего. Если попросит Всевышнего, научится его слушаться – Молоденькая не могла соотнести себя и «покориться» или «повиноваться» – удача не оставит впредь, даст всё, в чём она нуждается. Тамара не намекнула, открыто заявила, от Шахиды отвернулся Всевышний. Не глупая же девчонка. Вдруг слова её верны?

– Что собираешься делать? – как Тамара распорядится жизнью после пролёта с университетом, разбирало Шахиду.

- На курсы арабского пойду.
- Зачем? Английский больше нужен.

– Бабушка считает, Писание следует читать на арабском, самой переводить. Писание не прямо с арабского, с русского перевода учёных наши перевели.

- Думаешь, неправильно перевели?
- Ничего не думаю. Хочу сама читать, чтоб понять.

Вечером за ужином Шахида объявит родителям, что подала документы на заочное отделение финансового института, параллельно пойдёт на курсы арабского языка.

Нашла занятие, обрадуются родители. Они сильно переживали, что после повторного провала дочь последует примеру одноклассника-медалиста или заболеет головой. Шахида умолчит, что умная Тамара вдобавок склонит бесхитростную Шахиду посещать домашнюю ячейку некоего имам хазрата.

Этим путём, разочаровавшись в правосудии, в высшем образовании, правдолюбка уйдёт из адвокатской конторы в нелегальную организацию, полагая, что кружок на дому — сугубо просветительский факультатив. Туда её заманит Тамара рассказами, какая она, праведная жизнь. В кружке методом погружения из ропщущей максималистки день за днём будут ваять аскетичную послушницу.

В деле возвращения фолловеров нелюбимых не бывает. Ценен каждый кадр; кто попался в сети, того перевоспитывают.

Как с ходу понять природу организации, которая маскировалась в безобидный кружок по изучению, как жить по Писанию, как приличествует вести себя благонаправленной девушке. Где проповедовалось о справедливости и равенстве, о милосердии и благотворительности. На пальцах доказывалось, что секрет крепкой семьи в умении уступать. Молодёжь учили, стоит метод попробовать, жизнь в доме наладится. Мать с отцом Шахиды спорили на равных, никто никому не уступал, разруливало конфликт время. Дочь догадывалась, родители не могли жить друг без друга, поэтому незаметно-незаметно мирились. Она решила, у неё будет иначе, она не будет перечить мужу, за которого выйдет замуж по порыву души. Будет примерной во всём: в быту, в отношениях, в деле. Ей-то это под силу.

Девушка каждый день допоздна пропадала на учёбе. Родные волновались, но не задавали ей вопрос, почему столь непомерные нагрузки на языковых курсах. Вопросы отпали, когда, увидев дочь в хиджабе, мать чуть не упала в обморок. На расспросы родителей, почему хиджаб, дочь раскроет тайну, что давно посещает не только курсы арабского языка, но и собрания единомышленников. Хиджаб снимать не собирается, это непопустительная измена, отныне советоваться будет с домлой, не с ними, погрязшими в грехах.

Дома она теперь жила по собственным законам, когда мать не указ, указ хазрат. Он порекомендовал выйти замуж за члена кружка. Пожалела ли, пожелала ли соратника — причины не важны, важен факт: забрала из дома два платья, ушла к мужу, изредка забегая в квартиру повидаться. Белое платье, фату, обручальное кольцо, застолье, песни-пляски — ерунду на постном масле велено было забыть. Забыла. Заодно «забыла», что не первая жена назначенному мужу, первая — меркантильная женщина, не разделяет высоких целей. Он — мужчина. Лидер. Избранный. Накануне роковых событий вместо саке она его ублажит. Или он её.

Комол заприметит Шахиду сразу, как только она появится в их сообществе. Что за красавица, спросит он парня рядом. Какая, поинтересуется тот. Вон, со щёчками, глазки, вишь, горят. Спросит громко, чтобы новенькая обратила на него внимание. Комол вибрировал страстью, долетавшей до Шахиды. Она услышит щедрый комплимент в свой адрес; ощутит его страсть кожей, глазами, нутром. Впервые почувствует интерес взрослого мужчины, занятого таинственным делом, к своей скромной персоне. Она не воспринимала сверстников как возможных спутников по жизни. Ей понравится, что нравится не юноше, экшн мэнну, откликнется на его призыв — раскраснеется в ответ.

Процесс сближения пройдёт молниеносно. Спустя три месяца Шахида согласится стать женой Комола, когда предложение от его имени озвучит лидер кружка. Юной жене доходчиво объяснят, муж и жена едины, пока не зачали ребёнка, надо отважиться на жертвоприношение ради общего блага. После деяния, кураторы обещали, справедливости прибудет в мире.

Прибыло жертв. Молоденькой гарантировали, они будут воевать с блокпостами, армией, милицией, мирные жители не пострадают. Они что, лелеяли надежду, так и произойдёт? Или махнули рукой на вероятность случайных (читай: невинных) жертв? Этим вопросом Лера будет мучиться бесконечно.

— Сделаешь, что говорят, сразу в рай попадёшь. Там никто и ничто не разлучит нас, — уговаривал муж. — Что молчишь? — злился. — Не веришь?

— Верю, — с грустью окликалась жена. Роптать её отучили. — Нельзя позже на дорогу в рай вступить? Мы ещё не пожили в этом мире как следует.

— Ты что?! Им сейчас здесь хорошо, потом вечно будет плохо. Ты тоже этого хочешь? Учи: «Воистину, мой намаз и мое жертвоприношение (или поклонение), моя жизнь и моя смерть посвящены Аллаху, Господу миров»¹.

Что такое дочь для женщины? Жон рохати. Покой души в старости и в немощи отняли у матери. Милую строптивую девчонку заковали в оковы смирения так скоро-

¹ Коран, суря 6, аят 162.

палительно, что матери осталось только за сердце хвататься. Платок на голове дочери означал: прежней жизни не будет. К чему приведёт новая жизнь, неизвестно. Это пугало мать. Между ними разверзлась пропасть непонимания. Самые близкие и родные встали по разные стороны пропасти. На одной льдине раскола — ходячая энциклопедия морали с восковым лицом: работать рядом с мужчинами нельзя, взбивать в начес волосы нельзя, смотреть телевизор нельзя, устраивать пирушки и веселиться нельзя. На противоположной стороне — отнюдь не пуританка, всего лишь добросовестная блюстительница привычных устоев: государство — это мы; государство позаботится; государство — наша гордость. Мать учила гордиться, она гордилась хуждумом¹.

В 30-е годы беспокойного двадцатого столетия при скоплении народа мусульманки сбрасывали паранджу в костёр. Одна из самых известных площадок проведения этой акции находится недалеко от рынка, у входа в который через восемьдесят лет подорвётся Молоденькая. Облачившись в хиджаб, на изломе веков, правнучки совершили перевертыш хуждума: подвергли массивированной дискредитации достижения советской секуляризации. Назовут сей феномен неотрадиционализмом.

Любопытство к укутаным женщинам утихнет, когда их количество достигнет критически большой массы. Публика привыкнет к их виду, пока не взбаламутит общественное мнение мадмуазель Луиза, которой, кстати, как Молоденькой на момент самоподрыва, на момент её смелого выпада против официоза было девятнадцать лет. Луиза выдержит экзамены в Исламскую академию. Вцепившаяся в право носить платок, девушка подаст в суд на Академию, настоятельно рекомендовавшую студенткам, в том числе Луизе, опростовоситься на время занятий. Суд она проиграет. Луизу исключат из Академии за несоблюдение административных норм. Отчаянную поборницу условностей — в перечень пяти основополагающих столпов Писания хиджаб не входит — не замедлят поддержать зарубежные менторы, выделив грант на учебу за границей. Подождём. Наверняка она заявит о себе.

Учебные заведения примут студенческий, весьма условный, дресс-код, единственное требование которого — не подчёркивать конфессиональную принадлежность — минимальная цена, которую руководство вузов попросит ради возвращения межрелигиозной толерантности в молодёжной среде. Коллеги Леры вздохнут с облегчением. Лишь Шухрат будет ворчать: «Недемократичная мера».

— Напротив, весьма демократичная, — возразит Лера. — Мне немец рассказывал, в их фирму в Гамбурге приняли мужчину нетрадиционной ориентации. С девяти до восемнадцати он обычный сотрудник, ничем не выделяется. После работы переодевается в женщину, красится.

— Противно. Я б ему руку не подал, — Шухрат поморщится.

— Почему? Бойтесь, что ориентацию передаст?

— Не приемлю такое поведение.

— Служба есть служба. Вероисповедание не должно отвлекать от профессиональных обязанностей, согласны? Дресс-код в университетах — демократичная мера. Допустим, я кришнаитка, на работе в белом балахоне расхаживаю, браслетами трещу, понравится это мусульманке или католику?

— Браслеты? Мне б понравилось.

— А мне — нет, — оборвала демагогию Шухрата старшая из коллег Василя.

Лера передумает рассказать коллегам, как однажды она испугалась. В перемену без стука открывает дверь в аудиторию, наткнётся на трёх парней, совершающих намаз. Юноши испугаются не меньше преподавательницы, свернут молитву, проскочат мимо оцепеневшей преподавательницы.

Священные писания, любые, — система универсальных констатаций. Оставаясь неизменной на протяжении веков, зафиксированная в тексте информация неизбежно рождает задачу своей интерпретации исходя из новых реалий, новых знаний, новых задач. В писаниях есть текст, есть контекст, есть парадигма. Их согласовывают, но вариативно. Как трактовали понятия веры, награды, войны, самопожертвования наставники Молоденькой — не узнать теперь. Молоденькая испытывает шок на курсах арабского языка. Сколько слов арабского происхождения используются в повседневности: кофе, халат, лимон, апельсин, магазин, алгебра, цифра, алкоголь, гашиш графин, кайф — не перечислить. Великий язык! Чтение Писания в подлиннике — как иначе изучать язык, если не на основе учения? — вызывало трепет и упоение у новенькой курсантки.

Девушка переживёт потрясение, когда арабист расшифрует её имя. Родители, сама Шахида полагали, она «королева», «владычица». Неучи, и те знают, кто такой «шах». На курсах она узнаёт, имя образовано не от титула шахини; она — «очевидец» благодетелей Всевышнего; правдивая свидетельница, а не тот лицемер на суде, который кля-

¹ Хуждум (букв. — наступление, атака) — движение за равноправие женщин в советском Туркестане.

нётся говорить правду, на деле привирает, как ему выгодно. «Шахида» не просто свидетельница, святая душа, которая, если потребуется, сложит голову за веру и истину Писания. Подвиг не останется незамеченным Всевышним. Дарует награду — примет к себе в рай: «Из верующих остающиеся во время войны дома, не принуждаясь к тому необходимостью, не равны в ревности подвигающимся на пути Божиим с пожертвованиями своим имуществом и своею жизнью. Воюющих за веру с пожертвованием своего имущества и своей жизни Бог поставил выше остающихся дома, по степени достоинств их; всем Бог обещал прекрасную награду, но воюющим за веру предоставил Бог большую, нежели тем, которые остаются дома»¹. Им придётся оправдываться.

Переодеться в хиджаб, мусульманское подобие одеяния монахинь, был исходным ответственным поступком молоденькой Шахиды. Хиджаб не просто платок на голове, это стиль и образ жизни. Новый идейный код, новая эстетика. Никабы не прижились, хотя женщины-нидзя изредка маячили на улицах города. Они наводили ужас на взрослых, вызвали горячее любопытство детворы. Вот кому вирусы не страшны, маска всегда на лице, шутили во время ковида. Носить никаб по гигиеническим соображениям — это осквернение веры, грех. Зачем грешить, если можно не грешить? Ковид не привёл к росту числа женщин в никабах.

Привозные, на первых порах, хиджабы были зарубежными; платья, шарфы дарили неофиткам бесплатно. Что за фокусники, из каких закромов они их доставали, неизвестно было обывателям. Вместо коротких юбок и глубоких декольте хиджаб предлагал облачиться в диаметрально противоположный наряд — в длинное, в пол, платье, голову укутать в тонкую шаль. Фактически в два платка: в тугую убираются волосы, поверх него ниспадает на плечи второй, больший по размеру. Просторное прямое платье не разрезает фигуру по талии. Вертикаль делает женщину выше, значит — стройнее. Простор, насыщенные тона вуалируют объемы; очертания комплекции лишь угадываются. Из украшений вышитый орнамент на однотонной ткани. Взор поневоле задерживается на лице, заключенном в овальную раму платка: платок заколот под подбородком, края покрывают шею и плечи.

Сторонний взгляд не блуждает по прическе, серьгам, колье. Он сосредотачивается на очах, подведенных сурьмой, на матовой коже, не иссушенной макияжем, на сияющих чистотой и здоровьем щёках. Барышни в экзотическом одеянии в людном месте притягивали пристальное внимание не меньше, чем их ровесницы в откровенно сексапильном наряде. Они казались загадочнее обнаженных женщин. Завернутых девушек парни заваливали предложениями руки и сердца, простодушно полагая, что покрытые с головы особы заведомо послушнее и домовитее сверстниц, одетых по-европейски, то есть обтянуто и пестро.

Как только замелькали хиджабы, о новой «моде» часто судачили в махалле, где жили родители Леры: «Слышала, Назаровы, наконец, дочку замуж выдали? Не прошло и десяти дней, как покрылась, сваты повалили». Ещё активнее в махалле обсуждали развод Нодира: «Участковый ругаться приходил, мужики подтрунивают. Что за мужик, не уговорит жену сфотографироваться. Все на участке сменили паспорта, его жена до сих пор с советским паспортом ходит». Нодир оправдывался, для фото на паспорт платок надо снять, жена не снимет, даже если приставить пистолет к виску. Мужчину устал уговаривать жену, развёлся. «А ещё его жена часто пост держит, — Женщины переходили на шепот. — А в пост то нельзя, это. Переспать нельзя с мужем, не выдержал мужик, ушёл».

Кроме месячного поста в месяц Рамадан, есть необязательные, но желательные посты в 13-й, 14-й, 15-й день каждого месяца. По понедельникам и четвергам; в отдельные даты Шавваль, Зальхиджа, Шаабан месяцев. Ещё, и ещё, и ещё. Лучше поститься, как Давуд, через день, растолкует Лере Зубейда, дочь соседей: «Правда, что постов, кроме Рамадана, много?» И польётся... Столько сурового самоограничения!

Зубейда выросла молитвенницей, соблюдающей посты и строгие правила в быту. Мать работала медсестрой, через сутки на перекладных тащилась на дежурство в другой конец города. Зубейда не нашла работу по жестким параметрам, предъявляемым к женщинам почитаемым ею наставником: нельзя находиться в тесном автобусе, в час пик пассажиры, мужчины и женщины, трутся друг об друга; нельзя работать в одном помещении с мужчинами; нельзя пропускать намаз, хотя начальство не поощряет перерыв на молитву в рабочее время. «Замуж выдайте тогда, — приставали кумушки к матери Зубейды, — раз нельзя ей работать». «Были претенденты, — признавалась женщина, — дочь выйдет на встречу, возвращается недовольная: «Просила процитировать один аят — не смог, просила напомнить другой аят — не смог. Не намазхан², замуж не пойду».

¹ Коран (пер. Саблукова), сура 4, Ан-Нуса, аят 95.

² Намазхан — богомолец.

Житейские коллизии в знакомых семьях Лера не замечала, сосредоточившись на личных карьерных и matrimониальных перспективах. А на дворе гуляла свобода выбора вероисповедания. Не моя война, я мимо, отшучивалась она, если коллеги пытались втянуть в обсуждение последних веяний в студенческой среде.

Однажды её контузило, сильнее, чем от трёх парней, молившихся в аудитории. Она шла по институтскому коридору, навстречу студентки, поприветствовали. Лера машинально поздоровалась. Пройдя несколько шагов, поняла, одна из них — Ситора, студентка с безупречным русским, хорошим английским. Прежде энергичную, резкую в движении пацанку было не узнать. Скулы заострились, щёки впали, темные глазницы сползли до ноздрей. Медицинский халат застёгнут до горловины, на голове высокий колпак. К колпаку пришита шторка из белого полотна. Застёгнутая под подбородком на три кнопки шторка прикрывала шею.

Шторка на кнопках произвела на Леру удручающее впечатление.

— Болеет? Трубка в трахее? — спросит она Василю, преподавательницу латыни, единственно с кем откровенничала. — Если на щитовидке операция была, там шрам тонкий, нет смысла прятать.

— Не болеет, фанаткой заделалась, — разочарует коллега. — Домла запрещает открывать шею. Носить хиджаб ректор не разрешает.

Я нашла выход, сообщит студентка в ответ на расспросы участливой преподавательницы латыни, шторку придумала, пришила. Не без удовольствия добавит, вышла замуж за достойного городского парня.

— Превратилась в анарексичку. Я прям расстраиваюсь из-за неё. Умная ведь девочка была. Ест только халяльное: парное мясо, замороженное нельзя. Конфеты-печенье в рот не берет, в буфете не обедает.

— Печенье чем провинилось?

— Маргарин под запретом.

— Как без выпечки обходится? — поразится Лера. — Понимаю, правильное питание... но я лично не могу без сладкого.

— Она компенсирует сухофруктами.

— Всё равно дикость! Невозможно питаться только натуральными продуктами. Парное мясо? Нереально! У неё белковый дефицит, истощена. Анемию заработала.

Педагоги немедицинского профиля в медвузах постепенно приобретают навык ставить диагнозы по внешнему виду. Возле кафедры иностранных языков висит портрет поэтессы. «Шитовидка не в порядке, — каждый раз, проходя мимо, комментирует портрет Шухрат. — Или у художника проблемы со щитовидкой». У женщины на парадном портрете выпученные глаза.

К ним на кафедру лаборанткой устраивалась племянница декана санитарно-гигиенического факультета. Шухрат с первого взгляда обозначил медицинские проблемы девушки: невроз. «Шарлатан! Сейчас у большинства невроз», — опровергали диагноз преподаватели. «Не на клиническом же уровне», — парировал Шухрат. — Чем я не целитель?! — восклицал он, если угадывал диагнозы. — Брошу этих чертят, уйду на хлебное место». Не ушёл.

Предположить, что не так с человеком, немудрено, если в наличии наблюдательность, немного знаний, обаяние — разговорить его. В стране развелось чародеев и целителей — немеряно. «Молиться не умеешь, без набожности ты не целитель», — трезвили мужчину коллеги. «Сам знаю. Терпения не хватает выучить молитвы. Мой конёк — экспромт». Он умел превращать занятие в представление.

Женщины обедали в буфете. Лера украдкой подглядывала, как аккуратно ест Вася, помаду с губ не съедает. Женщина завидовала её способности выглядеть безупречно. А сколько она сэкономила?!

— Пи-пи¹ не дикость. Дикость на концерт прийти со свекровью, — ошеломит Леру Василя.

— То есть?

— Помните, ректор на Восьмое марта арендовал концертный зал? Вы сразу сказали, не пойдёте. Билеты раздали сотрудницам, старшекурсницам. Ситора у декана спрашивает, можно я со свекровью приду, мне нельзя одной ходить на мероприятия. Вот где настоящая дикость.

— Серьёзно? — удивится Лера. — Радует хоть, что не трубка в горле.

С переродившейся Ситорой Лера столкнется на занятиях. Ректор организует месячный цикл английского языка для выпускного курса — показать товар лицом на государственных экзаменах. Благая цель — приблизить студентов к мировым достижениям. Лера с воодушевлением отнесётся к заданию. Будет подбирать тексты по передовым биомедицинским технологиям, практиковать студентов проводить презент-

¹ Правильное питание.

тации. На занятиях с без пяти минут врачами с удивлением обнаружит, что в группе присутствует вся мировоззренческая палитра. О tempora! О mores!

Часть студентов придерживались консервативных установок в соответствии с этническим происхождением. Часть подалась в нетрадиционные конфессии. Мусульманку Амину крестили евангелисты. Православные Нина и Катя записались в свидетельницы Иеговы. Марат проводил субботы у Адвентистов седьмого дня. Умид носил берет и значок Че Гевары. Ситора не афишировала себя, но облик кричал о её выборе.

Леру озадачит идеологический разнобой среди студентов. Выбор, право на ошибку она признавала, но не могла отделаться от ощущения, что некоторым новая конфессиональная принадлежность портит жизнь. Особенно ей жалко станет красавицу Нину. В свидетели Иеговы её заманит Катерина. Она же по секрету сообщит Лере, что Нину заприметил их же товарищ, женился, браки у иеговистов строго между собой, муж не замедлил начать измываться над молодой женой, что мама не горюй. «Нина терпит, так наставники учат», — то ли посочувствует, то ли порадуется за подружку Катя.

Для большинства новообращённых конфессиональные шатания — временное затмение, решит Лера. Врачебная философия сама по себе цельное мировоззрение, они к ней вернуться. Лишь бы Кутлы не стал врачом. Парень тусовался среди кришнаитов. Лера его ненавидела, не педагогично, конечно, но с неприязнью к парню ничего поделать не могла. На первом курсе он подделал её подпись в зачётке, исправив «удов» на «хор». Декан вызовет Леру к себе, попросит переправить оценку в ведомости, чтобы не разлилась с отметкой в зачётке: «Да ладно вам, подарите парню «хор», времени нет разбираться». У неё мелькнёт сомнение, не с его ли позволения Кутлы переправил оценку. Подобная подделка жестоко преследовалась в институте, этот случай спустили на тормозах. Что это подделка оценки по английскому языку, не по анатомии или внутренним болезням, не могло служить оправданием. Для декана, видимо, послужило.

Ненавистный Щелкунчик с деревянными бусами на шее, браслетами на руках мозолил глаза. Гофман, простите, ваш персонаж благородный, а этот слямзил образ. Судьба распорядилась, Кутлы опять должен был пройти через курс английского. С целью завоевать расположение преподавательницы, на занятиях сидел за первым столом напротив Леры. Постоянно лыбился: растягивал губы до зубов мудрости, губы подворачивались внутрь, обнажалась десна, на показ выставлялись два ряда красивых зубов. Неприятный оскал. На перемене торчал возле Леры, твердил с упорством дятла: «Простите, простите. Вы же можете простить. Докажите, что вы умеете прощать». Ни слова о том, что он свинья, что виноват, что огорчил.

Всё, на что её хватило, не замечать Кутлы. Делать это будет несложно. Ситора солировала на занятиях, превращая их в горячие прения. Кутлы же молча восторгался одноклассниками, кто был верхом на коне. Хотя внешность девушки кардинально изменилась, темперамент подвижного холерика — ничуть. Изменить характер, наклонности профессионалы от веры не смогли. Нейтральный перевод текста, скучный доклад азартная спорщица будет бомбить в пух и прах, зачитывая из брошюр авторитетные цитаты. Ей не лень будет приносить на занятия кипы агиток. Через некоторое время начнут приносить брошюры, каждый свою, другие неопиты. Будут просить Леру дома почитать, утверждая, именно в их книжонках написано правильное, чем в брошюрах оппонентов. Она не сможет отмахнуться, станет честно листать брошюры на досуге. Ничью сторону не примет.

— Сказано: не проси себе кончины. Всевышний знает, когда смерть лучше, чем жизнь, тогда заберёт. Он запрещает эвтаназию категорически, — Ситора откроет ожесточённые баталии об эвтаназии.

— Они просить не могут, глаза даже открыть, — взрывались одноклассники с опытом работы в реанимации. — Отдежурь смену, поймешь.

— Отлично! Они проходят очищение огнем ещё на земле. Если больной поймёт, пора на суд Всевышнего, он откажется от госпитализации, от лекарств, поспешит к Всевышнему. Лечение лишь продлевает страдание.

— Это же пассивная эвтаназия?! Вы пассивную эвтаназию не отрицаете?

— Вы что?! Причём тут мы? Это ихтигяр, свобода воли больного. Писание снисходительно к человеку.

— В смысле?

— Если нет иной пищи, ешь свинину. Если нет другого способа спасти больного, трансплантация позволительна. Если нравится другая женщина, женись, соблюдая законы. Наше учение снисходительно к человеку.

Если учение снисходительно к человеку, как формируются его адепты-радикалы? Вопрос Лера не задал, чтобы не раззадоривать аудиторию.

В итоге дебатов об эвтаназии ребята придут к компромиссу: вместо технологии эвтаназии развивать паллиативную терапию: не лечить больного, облегчать послед-

ние вздохи.

По ЭКО с использованием донорской спермы согласие не сложится. Ситора не признает приемлемость использования донорской спермы. Суррогатные услуги допустимы, будет настаивать она, если отец будущего ребёнка сочетается никаком с женщиной, которая будет вынашивать дитё. Словом, станет второй женой. Против восстанут все.

Расписываясь в зачётке Ситоры, Лера спросит, почему шторка, не проще ли колпак на платок нахлобучить: и шея прикрыта, и форма соблюдена. Ребята в несколько голосов подскажут, профессор Каримов старой закалки, замечание сделал, когда Ситора в надетом поверх платка колпаке явилась к нему на кафедру. К шторке профессор не придрался.

После самоподрыва Молоденькой минул год. Даврон закончил учёбу, ушёл из морга в поликлинику терапевтом. Острое — иначе кто пойдёт к врачу? — респираторное заболевание свело Леру и Даврона на приём. После ритуала врачебного осмотра доктор и пациент без артоподготовки начали посторонний разговор.

— Как она была одета?

— Обыкновенно, — доктор понял, о ком речь. — В джинсовую курточку.

Да здравствует джинса — универсальная одежда всех времен и народов! В боковых карманах курточки удобно руки держать. Засунул дрожащие руки в кармашки, и ты вне подозрений. В карманы широких юбок или узких брюк ладонь просунуть — повозиться надо. Молоденькая была одета в длинное до щиколоток платье с заплетающимися полами, широкими рукавами. Живот, на котором крепилось взрывное устройство, надо было прикрыть. В рукава просунуть провода. В сжатых кулаках контакты взрывателя. Переплетаешь пальцы, замыкаешь контакты, и — бац! — гремит взрыв

— Девятнадцать лет. Суицидальные наклонности?

— Человек с суицидальными наклонностями самостоятельно решает, когда и как уйти из жизни. Молоденькую привезли на место. Это раз. Суицидальники не уходят в людном месте. Это два. Подорвалась не одна Молоденькая — три. Эмоциональную лабильность исключить нельзя, но она характерна для большинства женщин. Думаю, с психикой у неё норма была. Слишком большой риск — неуправляемая смертница.

— Почему в понедельник самоподрывы женщины совершили? — Лера не упустила шанс предъявить иск всем мужчинам в лице Даврона. Накопилось.

— В мое дежурство мужчин с боевыми ранениями привозили, не от разрыва, — доктор корректно отвертелся, отфутболил вопрос, откуда он прибыл — в область вечных тем. — Мужчинам жить охота. Тупо нормально жить. По мере возможностей счастливо. Женщинам при любом раскладе не хватает то денег, то молодости, то вечной любви. Измены мерещатся на каждом углу.

Взглянув на пациентку, доктор прекратил тираду. Кому он жалуется? Женщине. Разве поймёт? Кое-что Лера поняла, например, что у него накопились претензии к женскому роду, в частности, к жене.

— Высокую, худую женщину не привозили?

— В мое дежурство нет. Может, повезли в другой морг. А что?

— Про одну женщину хотела уточнить.

— Забыл в прошлый раз сказать, она никого с собой не притащила.

— Точно? — Лера обрадовалась.

— Точно. На секционный стол положили, пришла в себя.

— Не может быть! Допустим, голова целая. Но живот, ноги, руки?!

— Самодельную мину закрепили. Некачественная работа.

— Невероятно!

Парня 22-ти лет, который взорвётся весной 17-го года в Питерском метро, опознают по целой голове, по открытым — о, ужас! — глазам.

— В морге невероятного — выше крыши. В мое дежурство привезли останки с пуста. Подошёл, сразу опознал: одноклассник. Чуть не рухнул возле стола. Мать с собутыльником убили, расчленили, разбросали тело. Во как бывает! Умный парень был. В математике шарил, стихи лучше всех запоминал, — Даврон тряхнул головой, отгоняя воспоминание. Вернулся к предмету разговора. — Сколько метров кишок у человека?

— Много, — откуда не медику знать, сколько конкретно.

— Кишки, которых, как вы сказали, много, в них переваренная пища, плюс жировая прослойка сработали подушкой безопасности. При ранении кишки вываливаются, но человек может некоторое время быть живым. У неё был геморрагический шок, пульс не прощупывался. Менты приняли за мёртвую. Классика жанра. Когда она глаза открыла, мы быстренько вкололи, что нашли.

— Ну, что дальше было? — Лера от нетерпения готова была растерзать Даврона. Тот не торопился с ответом.

— Капитан из сопровождения допрашивал. Была она одна или с кем-то, сколько самоподрывов планировалось. Пару раз, если «да», она закрывала глаза, «нет» — держала открытыми. Губами пошевелила. Капитан нагнулся к ней, она что-то сказала, он громко ответил: «Жертв нет». То ли нам, то ли ей. Глаза больше не открывала. Я хорошо запомнил, я рядом стоял.

— Да-а, дела. Хорошо, что никого не убила.

— Согласен.

Лере от «жертв нет» стало легче: у медресе никто из прохожих и силовиков не погиб, погибла лишь девушка. Кто готов убивать, тот готов умирать. На её жизнь никто не претендовал, никто не отнимал. Она не должна была посметь отнять чужие жизни. Помешанные на жажде справедливости люди бывают жестоки, не жалеют ни себя, ни других ради вожденной цели. Разгневанную неудачей с профессией барышню затянули в войну с силовиками. Она могла правильно соединить руки. В момент истины в ней заговорила девчонка, которая остро захотела жить. Подводить кураторов тоже не хотела. Металась меж двух желаний. В итоге, недовзорвалась.

Секционный стол был холодным, от чего Молоденькая очнулась, подумала Лера. Зачем придумали иностранное название, ворчала она мысленно, это обычный разделочный стол: «section» — «отдел», «раздел». После беседы с доктором Давроном несколько вечеров подряд Лера не могла готовить ужин. Тошнило, как только доставала разделочную доску, мясо, вспоминая разделочный стол для людей. «Вскрытие не проводить в любом случае», — она уже знала первый пункт завещания, который составит, когда созреет для него.

Думы о Молоденькой выветрились из её головы до следующей встречи с Давроном в поликлинике уже по поводу гастрита. Доктор огорошил снова:

— В прошлый раз я соврал. Не приходила она в сознание, была трижды мертва. Натуральным образом физически тяжело было думать, что она кого-то из прохожих или ментов зацепила. Видел, вас тоже это волнует. Как девчушка пошла на такое?! Первая старше была. Остальные — мужчины. Придумал историю с допросом. Сам верил, пока рассказывал. Специально съездил в морг, расспросил ребят, с которыми дежурили в тот понедельник. Как под копирку рассказали одно и то же, что милиционеры им говорили. Первый взрыв менты не ожидали, стояли на построении в центре рынка, командир отдавал распоряжения. Подходит женщина, на вид взрослее Молоденькой, давай митинговать: «Вы хуже бандитов, вы насквозь коррумпированные, служите не тем господам».

Милиционеры всерьез пламенную речь не приняли, продолжали стоять. Их старший не повернулся в её сторону: очередная базарная баба скандалит с утра пораньше. На рынке ментам в основном карманники и торговки работу создают. Привычное дело. Подумали, после построения разберёмся или сама успокоится. Скандалила долго. Внезапно подорвалась. Видят: столб дыма кучерявится, теплая кровь струится. Тошнотворный запах пошёл. Не ожидали мужики, что обычная женщина их взорвёт. Два сержанта и гражданский сторож на месте погибли. Так примерно первый взрыв произошёл.

Лера по ходу рассказа Даврона поняла, женщина не случайно зрелище устроила, речь толкнула — наспех сочинённая компенсация манифеста, который обычно выкладывается в интернет перед подобными акциями. Она пришла не просто убивать, она пришла казнить неправедных служивых. Если бы они тщательно готовились к определенной дате, наверняка позаботились бы как-нибудь опубликовать цели акции. Доморощенные сопротивленцы каноны деятельности не все усвоили. Лера обрадовалась этой мысли, расстроилась от другой: откуда в этих женщинах столько беспощадности к себе и к другим?

После первого самоподрыва сержантам поручили патрулировать весь периметр рынка. Прибыли дополнительные наряды. Возле медресе наряд заметил нервную девушку, она вышагивала перед входом в медресе. Остановится, потопчется на одном месте, опять шагать взад-вперед. Утром в час пик?! В понедельник? На остановке? Без дела? Девушка вызвала подозрение. Патруль с осторожностью пошёл по направлению к ней. Девушка перестала метаться. Остановилась, дожидаясь, вглядывалась в них. Патруль медленно шёл к ней. Девушка вновь открыто заволновалась. Милиционеры приближались. У них приказ проверять подозрительных граждан. Молоденькая испугалась, задержалась, задрожала, замешкалась, высовывая руки из карманов. Сержанты врассыпную. Вовремя отскочили. Бухнул хлопок.

— Испугалась, что убьёт взрывом?

До момента истины Молоденькой не сильно жаль было надоедливых родителей с их «учись, работай, детей расти». Если что, мама раздаст колючки-сережки соседским девчонкам. Кровать в спальне освободится, место в гардеробе. Себя тоже не жаль, прямиком в рай двинется, обещали кураторы, скорей бы. Однако ей страшно было

умирать. «Никто, даже в камере смертников, даже слыша, как расстреливают его друзей и товарищей, не способен по-настоящему поверить в собственную смерть»¹.

Лера искренно поверила в факт допроса, в то, что Молоденькая спросила, есть ли жертвы. Жаль, допрос был фейком. Ей не терпелось докопаться, почему Молоденькая сорвала задание. Спросит об этом Даврона.

— Гадать не буду. Возможно, не захотела ментов убивать. Возможно, испугалась смерти или ареста. Ей светил смертный приговор.

— Женщин не расстреливают. Сдалась бы наряду, жила бы, маленькие радости имела, — Лера торговалась с доктором.

— Я за смертную казнь. До морга в реанимации работал. Насмотрелся, как люди страдают, умоляют оборвать мучения.

— Поэтому, доктор, ушли из реанимации в морг?

— Страдания тянутся, смертная казнь — секунды.

— А ждаты годами, когда придут за тобой?

— Пожизненное лучше? Я мечтаю быстро умереть. Когда неожиданно и быстро — не страшно.

Даврон как врач, как патологоанатом, не врал, Молоденькая могла быть доставлена в морг живой: адреналиновый шок, первая помощь, прочие чудеса организма. Возраст он определил точно. Фабулу её жизненного пути вычислить было несложно. В чём несчастье вчерашнего школьника? Провал в университете. Где конкурс больше всего? На юридическом. Почему оказалась у радикалов? Утешили, предложили отомстить. Убедили, самоподрыв станет призывом к грандиозным волнениям, желанным переменам.

Со временем предположения Леры насчет Молоденькой подкрепились более-менее достоверной информацией. Действительно, ей было девятнадцать. Действительно, не поступила в академию МВД. После повторной неудачи с юрфаком облачилась в хиджаб. Действительно, заторможенная была накануне. Действительно никого не «утащила» с собой.

Сайты о первом взрыве в центре рынка пишут, двое погибли, семеро ранены. По второму взрыву возле медресе у входа на рынок сообщают лишь факт самоподрыва. Следовательно, никто не погиб, не пострадал. Молоденькая — женщина; женщины дают жизнь людям, а не уничтожают их.

Герожанам дружно не хотелось, чтобы Молоденькая убила или ранила кого-то. Надеялись, она совершила показательный суицид. Мучились. Искали доказательства. Домысливали. Свершилось!

— Правильно Солженицын написал: «Умереть когда-то не страшно, страшно умереть сейчас».

— Любите Солженицына?

— Уважаю. Про страх смерти он в точку попал. Все мы герои до серьезной опасности. Про девчущку скажу, реально испугалась. Боялась умереть сама, зацепить кого-то, — не важно, важен результат. Хорошо, что убила чисто себя.

— Согласна.

Одиннадцатилетний мальчишка днём катил себе на велике на родной территории, где каждый поворот знаком до махонькой выбоины. Пацана сбил насмерть Лерин одноклассник. Отец погибшего — водитель грузовика, пошёл на мировую: «Сам водитель, знаю, и я могу наехать, не дай Бог». Брат виновника ДТП преуспевал в бизнесе, щедро заплатил семье погибшего ребёнка. Встретив одноклассника, Лера хотела заорать: «Как по земле ходишь, воздухом дышишь, когда ребёнок тобою убит?» А с губ слетало: «Как жизнь, как дела, кого из наших видел?» Ей хотелось, чтоб одноклассник ходил с понурой головой вечно, что не входило в его планы. Через полгода на лице не осталось следа от «несчастливого случая» — такой была интерпретация аварии со смертельным исходом ее виновником.

Лера даст зарок — никогда не водить машину. Это единственный способ, каким она может — не приведи Господь! — убить человека. Откажется от авто в подарок от мужа: «Я лучше на такси; страховка, ремонт, прочее — в копеечку влетит. Я лучше на велосипеде до метро, для здоровья полезнее».

Замужество откроет ей второй способ, которым она может убить человека. В хлопотах по первой малышке Лера не заметит, как снова забеременела. Муж восстанет: «Двоих сразу тяжело будет поднять, давай хотя бы отложим». Лера будет стоять непреклонно на своём. Не потому, что мать советовала не откладывать со вторым, а потому, что аборт, пусть микро-аборт, это убийство. Рисовала в воображении, как скоблят чрево, словно удаляют пригоревшие остатки котлет со сковороды. Останки будут её ребёнком. Да нет, уговаривал муж, не будут скрести по тебе, лекарство примешь, он

¹ Джулиан Барнс, «Нечего бояться».

выпадет сам. Ходим по земле, раздавливаем муравьев, никто же не считает себя убийцей невинных муравьев, приводил аргументы муж. Мой ребёнок не муравей, спокойно отвечала Лера.

Она ушла в немое сопротивление, благополучно выносила и родила ещё одну дочь. Через месяц после родов муж буднично объявит: «Тебе не придётся пить противозачаточные таблетки, я перевязался». Лера вслух не произнесёт ни слова. В душе укрепится во мнении, это был правильный поступок — выйти замуж за иностранца. Никто из знакомых на родине мужчин добровольно на подобную меру не пошёл бы.

У Молоденькой не было детей, этим всё сказано. Убила чисто себя.

— Кто как уйдет, нам не дано знать. Наверное, это хорошо.

— Можем представлять, как хотелось бы. Умирать, когда ладонь родного человека сжимает твою, не так страшно, думаю, как умирать одной.

— У вас будет возможность это проверить, гарантирую.

— А пока...

— Закроем тему?

— Ага.

— Что вас *сейчас* беспокоит?

Глава 2. ИНЫЕ

«Потерявшие душевное равновесие люди попадают в сети лжепророков и бьются в них, пока не погибнут».

Х. Манкель

Жизнь горожан после весенних треволнений мало переменилась, однако внешность некоторых горожан изменилась радикально: они сбрили растительность на лице. Старик Хотаббыч, дед Мороз, Лев Толстой с раннего детства приручают нас считать длинную, непременно выцветшую, бороду принадлежностью старцев. К виду естественной бороды на молодом лице, особенно если к концу волосы редеют, развеваются от движения, привыкаешь относиться как к заурядному явлению постепенно. Другое дело — в меру окультуренная, пышная растительность к седой голове, высокому лбу, морщинам на лице. В силу прочных ассоциаций, в данном варианте шевелюра выступает маркером эрудиции, опыта и мудрости. Пример — вальжный Карл Маркс с окладистой бородой. Идеальный вождь пролетариата позирует на портретах неизменно в смокинге...

Волосы на лице считаются элементом фитвы. Хадис Абу-Дауда гласит: «Десять вещей являются естественными: подстригание усов, отращивание бороды, использование сивака, промывание носа водой, подстригание ногтей, обрезание, выщипывание волос в подмышках, сбривание волос с лобка и использование воды для подмывания». Из перечня следует, некоторые проявления естества, в отличие от дикорастущей бороды, требуют регулярных усилий, порой болезненных. Например, установлен срок для эпиляции — сорок дней, дольше которых тянуть с процедурой не рекомендуется.

В уходе за бородой главное — не переборщить. Скучная козлиная эспаньола, волосок к волоску, или чересчур опрятно уложенная шкиперская шевелюра вряд ли служат частью брутального образа, скорее, подтверждают озабоченность бородатого нарцисса своей внешностью. Вольные волосы на лице — не элемент декора, не средство самовыражения. Пожалуй, это чуть ли не единственный публичный способ его носителей наглядно демонстрировать личные приоритеты. Дикая борода заменяет членский билет некоего союза, нередко — радикального. Большинство, думается, отпускает бороду и холит её не в знак солидарности с некими идеями, сообществами...

После прозвучавших на массиве выстрелов, пересудов шёпотом: «Слышали, этого, того вызывали на беседу», — сопоставив их с официальной информацией, Ренат вышел к завтраку гладко выбритым беззащитным юношей. Широкая борода придавала устрашающий вид своей густотой и дикостью, делала похожим на полярника зимой, кубинского анархиста летом. В моменты растерянности, в поиске нужных ответных слов или смущения от похвалы, он собирал волосы в кулак на подбородке. По выступающим из-под кулака концам его научили определять, не пора ли бороду укоротить. Приёмчик превратился в характерный жест Рената.

— Наконец-то! Тихо хлопаю, — съехидничал брат Рамиль. — Зря боишься, тебя не загребут. Кого надо, отловили. Абдула, какой из тебя... из-за твоей бороды нам больше бы досталось. Одобрямс.

— Молодец. Помолодел. А то ходил, как бабай, детей пугал, — прервала среднего сына мать.

— Испугался? Да? Скажи честно. Испугался, видно же. Говорили тебе, не твоя контора, не ходи туда, — довольный Рамиль не скрывал злорадства: Ренат сдал важ-

ную позицию, проиграл.

— Хватит, — остановила третирование младшего сына Роза опа.

Ренат застыл с кулаком на подбородке. После окрика матери отпустил руку, сел к столу. День далее пошёл в обычном режиме. Рамиль с женой проглотили завтрак, укатили на работу. Роза опа возилась с внуками, долго ковырявшими ложками в тарелке, не желая есть кашу, клянча пряники. Бабушка торговалась с внуками, обещая им кисель, если доедят овсянку. Женщина заварила густой кисель, с которым дети провозились ещё пятнадцать минут.

Ренат помог племянникам одолеть завтрак — каждодневная его обязанность. Убрал со стола, сложил посуду в раковину, подмёл вокруг стола — также его обязанности по утрам. Прибравшись, удалился в спальню. За закрытыми дверями то ли молился, то ли плакал. Его не беспокоили. К полудню вышел на веранду, где племянники под присмотром бабушки шуршали карандашами по бумаге, совершенно безмятежным, одетым в рубашку поло. Он снял привычную одежду: просторные рубаху, штаны, окончательно превратившись в неприметного горожанина. Хотя это вряд ли: тенниска обнажила мощные плечи. Его тело на костылях переносят руки, как наше — ноги.

Накануне к Ренату прибежит Тамара в слезах, выпалит: «Алим исчез, наверное, погиб». Наверное, родителей навестить поехал, усомнится он. Не собирался, будет настаивать Тамара. Он что, всё тебе рассказывал, будет упорствовать Ренат. Мужчина попросит девушку не паниковать. Однако неприятное известие озадачит его. Пройдусь, скажет он матери, долгожданный гость пришёл — дождь, грех сидеть взаперти. До мечети, смежёт женщина, итак три пятничные молитвы пропустил.

Мечеть в двух остановках от дома Рената. Он добрёл до места ко времени. Мужчины стекались к молитве. Их было меньше, чем в марте. Прихожане были сдержанны, необщительны, серьёзны. Без шумных приветствий проходили в молитвенную комнату, настраивались на намаз. Ренат высматривал Алима. Приятель не появился. Вышел настоятель мечети. Ренат пристально взглянул священнику в глаза. Имам опустил веки. «Алим?» — с волнением шепнул он, ожидая ответа. Священник отвёл глаза в сторону.

После намаза он приплетётся домой в сопровождении Исматуллы, зайдёт на несколько часов в своей келье. Выйдет к ужину. Начнётся очередной раунд перепалки.

— Говорил тебе, не с теми связался. Хизбутов нейтрализовали.

— Мои — не хизбуты.

— Уверен? Прокурор говорит, хизбуты.

— Оставь его в покое, — заткнёт среднего сына Роза опа.

— Сегодня на работе рассказывали про одного, в адвокатской газете работал. Выпустил номер, весь про коррупцию. С цифрами, фамилиями. У нашего юриста есть, выписывает газету на дом, но нам не дал почитать.

— Зачем ты это нам рассказываешь? — Мать предчувствовала спор.

— Газетчик исчез.

— Заболел, залёг на дно, умер. Что устраивает, — брюзжал Ренат, — выбирай.

— Говорят, безопасность «закрыла».

— Как я должен отреагировать? — забаррикадировался Ренат.

— Рак. Полгода врачи дали. Наш юрист говорит, поэтому он выпустил номер, всё равно помирать. С пользой ушёл. Как твои камикадзе.

— Они не мои.

— Хорошо, хорошо, «эти» камикадзе.

Не доев ужин, Ренат скрылся в спальне. У него испортилось настроение не из-за издёвок брата, от смутной тревоги, с Алимом, действительно, неладно. Ничего настоятельного, ничего странного в последнюю пятницу перед известным понедельником он в поведении Алима не узрит. Они, как всегда, вместе дойдут до дома, Ренат, как заведено, предложит пройти в дом, поесть, Алим запротестует. Юноша нередко угощался Роза опы стряпней. В ту пятницу не отобедал, сославшись на дела. Что тут необычного?

Алим не случайно стал приятелем Рената. Он был не просто вежливой юношей, он был чутким. Заметив, как неловко садится на пол Ренат в молельне, занял место рядом, чтобы, вставая, мужчина мог опереться на него. Примерный молитвенник, без уважительной причины парень не пропускал пятничные собрания. Мог пропустить одну, вторую. Но третью?! Если жив, приполз бы. Алим — участник событий, — подобного предчувствия у Рената не возникло. У женщин звериная интуиция, скажет себе он позже, мужчины или знают ситуацию наверняка, или не догадываются ни о чём; профессиональная сфера — исключение из правила.

И уточнить не у кого, сокрушался он, фамилии погибших, пострадавших, задержанных не обнародованы. Лишь в конце лета Ренат и Тамара увидят достоверную информацию об Алиме. До тех пор будут задаваться вопросами: где он, если он с ними,

почему он; кто настроил воинственно; в чём обвиняется. Пока Исмагулла перед пятничным намазом не дожждётся Рената, не стукнет его по голове откровением — предположением? — парень был задействован в недавних ужасных событиях.

Они встретились в мечети. Ренат, вместо приветствия, спросит без задней мысли:

— Не в курсе, что с Алимом?

— Башку снесло.

— Его фамилию не назвали, — он выдал себя, связав исчезновение Алима с недавними громкими происшествиями.

— Чью назвали?

Не увидев Алима в мечети раз, два, Ренат чуял непорядок. Заболел, деньги кончились, родители домой вызвали — да мало ли что могло произойти с юношей. Было ясно, парень не появляется в мечети неспроста. Заподозрить участие в мятеже — Ренату не хватало духу.

От слов Исмагуллы Ренат покрылся мурашками. Афганец вогнал его в прострацию. Представил, как окружили дом, как парень отстреливался, как вышел на улицу, подорвал в руках гранату — об этом, не называя имени, сообщили некоторые сайты, как голову боевику оторвало, тело в клочья.

В те дни «башку снесло» понимали не иносказательно, а сугубо физиологически. Рената, начитанного товарища, потрясло в свое время, как закончил жизнь автор «Золотого храма» Юкио Мисима. Писатель сделал харакири после провала путча, который он пытался организовать на одной из военных баз Японии. Так должны заканчивать жизнь организаторы и участники провальных мятежей, подвёл итог для себя Ренат, узнав финал неординарной биографии Юкио Мисимы.

Исмаг терпеливо ждал, когда Ренат очнётся.

— Откуда сведения?

— Давно знал, Алим добром не кончит.

Их краткий разговор состоится перед молитвой. Они не успеют договорить. Имам готовился начать намаз.

Священник предварил молитву небольшой речью, как важен мир в стране, покой в семье, к чему призывает Всевышний. После вступления имама мужчины совершили коллективный намаз. Паства сразу разошлась после молитвы. Обычно прихожане во дворе мечети небольшими компаниями обсуждали новости, разруливали проблемы друг друга. Ренат вышел из молельной, отправился перепроверить информацию Исмагуллы. Он спустился с торца на цокольный этаж. Цокольный этаж был оборудован как тренажёрный зал, в котором часто пропадал Алим. Юноша прилежно тренировался, ходил в синяках. Заглядывал туда и Ренат наблюдать, как лягаются, кидают на татами один другого крепкие парни. На двери в подвал висел замок. Здесь застал его Исмаг:

— Замок давно висит. Давайте отойдём. Дело есть, — Исмаг провёл тыльной стороной ладони по щёкам, будто он, не Ренат, избавился от щетины, а солнце печёт на щёки. Комментария по смене имиджа Ренатом не высказал. Деликатный.

— Разговор есть. Давайте поговорим не на улице. Жарко.

Мужчины побрели в сторону чайханы. Исмаг заказал шурву, чай, салат из свежей капусты. Начали беседу с чая, чтоб завести желудок.

— Вероятно, его просто арестовали? — Ренат хотел договорить.

— «Просто»? Арест — это удача? В СИЗО такое «следствие и наказание» — писать некому!

— Сейчас не тридцать седьмой год.

— Помните, пять лет назад шестерых казнили? Они признались. Алим признается в чём угодно, если внушить, что виноват.

— Виноват в чём? В том, что изучал Писание?

— Абдулрэнат, я уезжаю, — ни с того, ни с сего заявил Исмагулла. Он закрыл тему, они помочь парню не в состоянии. — Сувениры хочу отдать вам. Раздадите, кто интересуется. К вам многие ходят за советом. Хоп?

— Хоп.

Почему бы и нет? Календарики, магнитики, благовония, чётки не залеживались у Мунира опы, в охотку уходили. Тем более, на бесплатные подарки желающих отыскать будет несложно, прикинул Ренат. Его больше удивило, почему Исмаг уезжает.

— Уезжаете?

— Гражданства нам здесь не видать. Не могу больше ждать, дети растут. Аспирант в мои-то годы?

Прихожане мечети, в их числе Ренат, знали историю и предысторию Исмагуллы. Он — афганец, учился в Союзе, женился на местной студентке. После университета вернулся на родину. Там сменился политический режим. Кто хоть как-то был связан с шурави, подвергался гонениям. Сокурсник Исмага спاسся тем, что притворился умиленным, отлёживался в психушке. Условия в ней были не лучше, чем в тюрьме, од-

нако — не тюрьма. Навестив друга в больницу, Исматулла понял: надо делать ноги из страны. Жизнь в благополучном Союзе развратила его. Он отвык от междоусобиц, терактов, разрухи, тотальной религиозности. Их не вынесла бы жена, русская девчонка, помешанная на поэзии.

Женя, жена, приручила Исмата к русской поэзии. Он запоминал стихи слету, уместно цитировал, чем покорял ошарашенных собеседников. Декларирующий в повседневности редкие русские стихи иностранец — уникальный динозавр. Афганец мог внезапно, в середине разговора, прочесть:

*Хорошо, что Бога нет.
Только желтая заря,
Только звезды лежанные,
Только миллионы лет.¹*

Исматулла попал в Союз не случайно. Ему покровительствовал советский генерал, который направил своего протеже учиться. До службы в армии поступил в университет у себя на родине, его мобилизовали, направили к шурави. Кроме пушту, дари, Исмат владел тюркскими языками, он выходец с севера Афганистана, где компактно проживают тюркские народности. Сносно изъяснялся на английском. По ходу усвоил русский. Аналитический ум, быстрота реакции выгодно отличали Исмата от других переводчиков. Паренёк стал личным переводчиком генерала, любимчиком.

Интеллект не склад знаний, умение подмечать, проводить сравнение, высвечивать рентгеном содержание. Большинство видит фасад события, Исматулла видит смысл, запрятанный за оборотной стороной происшествия, в зазеркалье. Дается ему прозрение будто наскоком — легко. Способности Исмата оценили и прихожане мечети, к которой он прикрепился. Был бы генерал жив, он, несомненно, помог бы с российскими документами, понимал афганец. Генерал трагически погиб в Афганистане. Исмат бежал из страны на чужбину. На родителей жены как на стартовую позицию не рассчитывал, к ним не перебрался, блюл независимость.

Исматулла почти не изменился со студенческих времён, лишь почернел пуще лицом. Такой же subtilный, так же выпирает кадык, только копну жестких волос припорошила седина. Вроде открытое лицо, но глаза глубоко запрятаны за затемнёнными стёклами очков. Ироничная ухмылка. Никаких галстуков, костюмов, только джинсы и пуловеры.

Чужбина неласково встретила репатрианта в перспективе. Чтоб иметь официальное основание проживать, Исматулла поступил в университет в очную аспирантуру. Закончил одну аспирантуру, затем вторую. Иностранец платил за учебу, прекрасно держался на собеседованиях, писал умные рефераты — его с удовольствием зачислили. Учился в аспирантуре, занимался коммерцией и терпеливо ждал положительный ответ на прошение о политическом убежище, гражданстве. После весеннего переполоха надежду укорениться похоронил совсем.

— Поедем на родину жены, — Женя учительница русского языка и литературы, дочь школьница. — Кончится учебный год, уедем. Дела-а!

— Какие?

— Какие? Известные: перестрелка, взрывы. Кого-то задело, поверьте.

— Вы при чём? Стрельба, нападения на блокпосты, пишут, это радикалы. Кто вас тронет?

Недоумение Рената было искренним. Он жил в микрорайоне, где раздались автоматные очереди, но стрельба была, во-первых, недолгой, во-вторых, не массовой. Его больше волновали отдалённые итоги спецопераций силовиков, чем их реальный масштаб.

— Для вас любой афганец — душман. Покоя моей семье не будет. Не хочу нарываться. Облавы, проверки.

Принесли салат, шурву. Ренат не придвинул к себе еду. Он не стеснялся есть, разговор поглотил его целиком. Исмат подгонял:

— Ешьте, стынет. Успеем дела обсудить.

— Откуда знаете про облавы? — Ренат взялся за ложку.

— Докладывают.

— А я толком не знаю, что было.

— Ментоубийство было.

— Это я знаю. Они какие-то неправильные террористы. Хотели, чтоб гражданские не пострадали.

— «Правильные» какие?

— Чтоб погибло как можно больше из гражданских, чтоб паника была.

¹ Г. Иванов, «Хорошо, что нет царя».

— Наберутся ещё опыта. Помните, пять лет назад закладки сработали на президентской трассе? Тоже действовали по старинке, позапрошлый век.

— В смысле?

— Допустим, убили первых лиц, что дальше? Без толку эти взрывы, когда базы внизу нет.

— Верхи-низы?

— Да. Ульянова-старшего за то, что бомбу для императора собирать помогал, повесили, хотя покушение сорвалось. Зато младшему брату, Ленину, горький урок преподнёс: методика не работает, — на недоумённый взгляд собеседника иностранец пояснил: — Я учился в Казанском университете, историю семьи Ульяновых хорошо знаю.

— Получается, Ленин мстил за брата.

— Мстил? Целую страну, да что там страну, мир перевернул. Это не «месть».

— Первых лиц, значит, говорите, бесполезно убирать?

— Правитель — Кощей Бессмертный. Рубишь голову, растёт вторая.

— Мой брат сказал про наших: «Хотели шатнуть систему».

— Попробовали, как вы говорите, «чтоб гражданские не пострадали».

— Получилось? — глупый вопрос, не успел додумать Ренат, вопрос выпорхнул.

— А вы как думаете? — поторопился ответить Исмаи, подавился горячим супом.

Откашлялся, продолжил ровнее: — Повезло, они не сумели развернуться. Стрельбу многие из вас только в кино видели. Молодые в вашей стране пороха не нюхали, не знают, что пуля — дура. Убивает кого ни попадая, — Исмаи владел языком чище некоторых русских. Разговаривал образно, сочно. Во всём талантлив. Выдавал в нём иностранца не лёгкий акцент, нездешнее интонационное ударение в речи. — Лес рубят, щепки летят.

— Зачем вы так... о людях?

— Это вы говорите: «щепки». Жалко мне вас. Ничему вас наш опыт не научил. Что вам мирно не живётся? Неужели всё ужасно?

— Жалко всех. И их.

— Зачем их-то жалеть? Каждому — своё. Они хотели не запачкаться, в рай пройти экспрессом.

Шахидам обещают блаженство за жертвенность. Совершил нужный — кому? — подвиг, моментально переносишься в рай. А в раю «с неба ниспадет золотая лень», поэтому туда стремятся. В оригинале, в «Палестинском танго» Вертинского: «И в том краю, где нет ни бурь, ни битвы, Где с неба льётся золотая лень». Благодать ниспадает, даруется щедростью Всевышнего. Лера полагала, «ниспадает» — точнее. Особенно если слушать лирическое исполнение «Аравийской песни» Ободзинским.

— Прошли?

— Сообщений оттуда мне лично не поступало. Встретимся там, узнаем. Или меня не пустят туда, как вы считаете?

Исмаи даже не улыбнулся. Не разобрать, шутит афганец или кается. В хорошем детективе кто не под подозрением? Виноваты все, только кому-то прегрешения прощаются, кому-то нет. Ренат предпочёл уйти от вопроса, где окажется афганец, прицепился к другому его выражению.

— Зачем вы так: «экспрессом»? Я тоже недоволен земной жизнью.

— Меня — устраивает.

— Должно быть, место лучше этого, — Ренат постучал по полу костылем. — Иначе стерпеть страдания здесь невозможно.

— У вас не предел, поверьте. От добра добра не ищут.

Мистер, вас на мораль потянуло, гложет внутри, поймал настрой иностранца Ренат. Старееет вечный аспирант. В отличие от афганца, он любил разглагольствовать, как правильно, как неправильно поступать. Хотя в свете недавней смуты кто разберёт, как правильно, если нет исходных данных? Рассуждать — ещё не время, тем более с иностранцем. Вот он выяснит, что с Алимом, и...

И этого, в смысле — выяснять, не нужно, внезапно дошло до Рената. Если умер — не воскресить, арестован — не оправдать. Что, он будет Алиму деньгами на адвоката помогать? Жалобы в международные организации строчить? Не будет. Моё любопытство — праздное, уличил себя Ренат, что даст пустое сожаление, что парня не стало. Обрадовался, когда Исмаи перешёл к повестке встречи:

— Насчёт добра. У меня ткань лежит. Ваша мама возьмётся распродать? С хорошей скидкой отдам.

Афганец кормил семью тем, что торговал исламскими сувенирами, тканями с люрексом, речным, с рисинку, неровным жемчугом. Он знал назубок Писание, в школе заставляли заучивать, чтоб ученик и в бреду мог процитировать, любое место. Иностранец построил бизнес на том, что советовал покупателям настенную тарелку, эстамп, часы с подходящей надписью на арабской вязи. Объяснял, с каким событием

связано пожелание, сувенир с которым клиенты намерены купить.

Накопив первоначальный капитал, переключился на ткани. Ему предлагали вести курсы по арабскому языку при университете, где он числился аспирантом. Он отказался, сославшись на то, что преподавание — не его. Возможно, это был истинный мотив. Возможно, причина была иной: преподаватели арабского языка и студенты, прошедшие стажировку в зарубежных исламских университетах, попадали под наблюдение.

Где коммерсант доставал товары — покупателей не волновало. Покрывал потребность, да и ладно. Поначалу ткани, джинсы, куртки, пуловеры он покупал через афганских дельцов. Позже приноровился ездить на развалы тряпья и безделушек на открытых участках границы между Кыргызстаном и уйгурским Урумчи. Ткани представляли собой карябающийся псевдовелюр, нередко с орнаментом из золотого или серебряного люрекса по краям: осыпающаяся красота. В эпоху дефицита иметь выходное платье из сверкающего позолотой материала было мерилом материального благополучия. Товар пользовался повышенным спросом, коммерсант — уважением.

Исмаат не стремился к сверхприбыли. Прибыли с продажи сувенирной религиозной атрибутики вообще не имел, хотя Мунира опа, его продавец, получала ощутимую прибавку к семейному бюджету. В благодарность она находила оптовых покупателей на ткани и платки, хозяин не был в накладе.

— Переговорю с мамой. Созвонимся завтра, дам ответ.

Ренат любил помогать. Выхаживал выпавших из гнёзд птенцов, делился лекарствами с соседями, не проходил мимо лежишек, просящих милостыню. Наклонность раздавать, заботиться, сопереживать усилилась, когда глава мечети прочитал пастве серию проповедей, что братья по вере должны помогать тем, кто в затруднении. Зная эту наклонность сына, мать не соглашалась взяться за распродажу тканей афганца. Ренат твердо предупредил, если она не возьмёт ткань, он купит на свои, отложенные для непредвиденных расходов деньги, раздаст родственницам, соседкам безвозмездно. Роза опа сдалась. Как оставить сына без заначки?! У него могут быть траты, о которых великовозрастный сын не обязан отчитываться. Ренат перешагнул тридцать годков.

Через день Исмаатулла привёз товар к Розе опе. Рассказал, по какой цене можно отдавать, ниже какой расточительно. По его раскладу Розе опе набегал доход. Женщина вынесла деньги, подсчитав, что состоялась неплохая сделка. Она могла ненавязчиво, во время женских посиделок, рекламировать товар. Небольшие отрезки запланировала оставить в подарок снохам. От себя афганец презентовал взрослым членам семьи магнитные браслеты от давления.

— Неужели помогают? — Ренат не скрывал неодобрения.

— Кто верит — помогает.

Вот и гадай, верит Исмаатулла или не верит в потустороннее. Непонятно было, подтрунивал он или серьёзно ответил. Ренат знал достоверно: набожностью афганец не отличается. С кем бывал искренним, Исмаат правдиво рассказывал, почему ходит на пятничные собрания — сосредоточиться. Дома двое детей, жена постоянно что-то спрашивает, телефон надрывается. В процессе молитвы сосредотачиваюсь, думаю, что надо сделать, запоминаю, с кем поговорить, написать, признавался он. Молитвенный речитатив расслабляет, не так ли, утверждал иностранец, а регулярный намаз учит дисциплине.

Крамолу прихожане иностранцу прощали. Не по просьбе, не по намёку, по собственному порыву он немало делал для прихожан мечети. Не афишируя, малоимущим дарил деньги, ценные подарки, участвовал финансово в похоронах, оплачивал угощения на праздниках. Разрешил проблему Рената с именем. Ему не нравилось собственное имя. Исмаат посоветовал присоединить приставку Абдул — «Слуга Господа» к Ренату. Имя зазвучало по-исламски: Абдулренат.

Имам поначалу недолюбливал образованного во всех смыслах иностранца. Исмаатулла наизусть цитировал Писание, комментировать в его присутствии текст следовало осторожно, обоснованно. Это касалось и норм шариата, которые тот усвоил с молоком матери. Со временем священник успокоился. Афганец ни разу не сделал замечание по поводу его интерпретаций той или иной суры или правил шариата; не озвучил ни один комент в кругу прихожан или лично ему.

Однажды афганец задержится после молитвы, дождётся настоятеля мечети. Когда останутся наедине, объясняется: «Я не поклонник Всевышнего, но воспитан мусульманином. Хожу сюда молиться. Привычка. Не обращайтесь на меня внимания». Предложит открыть лавку, чтобы продавать религиозную атрибутику.

Беспокойные три весенних дня стали забываться. Мечеть ожила. Мужчины регулярно встречались на пятничной молитве, а после Исмаатулла провожал Абдулрената до дома. Раньше его страховкой занимался Алим. Абдулренат волновался за парня всегда. Ещё недавно был уверен, в неторопливых прогулках настроил Алима на пра-

вильный образ мыслей. Казалось, Алим разделял его точку зрения, был, по его мнению, из тех, как солдат Трофимов, как он сам, кто томился, что жизнь проходит зря. Помните? «Трофимов не хотел зря жить и томиться; он любил, чтоб от его жизни был смысл, равно как от доброй земли бывает урожай. Он сел на холодный пол и затих против железной двери в ожидании врага»¹.

Солдат Трофимов нацелился на оккупанта. Кучка молодых ребят врагами посчитали сержантов родной милиции. Это смущало Абдулрената. Поник, когда услышал от прозорливого афганца, что у парня башку снесло. Алим среди них? Ни о чём другом Абдулренат не мог думать. Сверлило в душе. Напрямую речь об Алиме он, однако, заводить не спешил, ждал удобного случая. Афганец сам заговорил о нём, когда провозжал до дома.

— Думаете об Алиме?

— Заметно?

— Ваша душа вопит, хотя рот закрыт. Не мучайте себя. Поговорим?

Неприятно слышать, что ты весь на ладони. Абдулренат сделал вид, что пропустил мимо ушей реплику о вопиющей душе, перехватил инициативу.

— Вас вызывали?

— К сожалению, нет.

— «К сожалению»?

— Алим сейчас бы здесь стоял.

— В смысле? — Абдулренат встрепенулся: у афганца была возможность спасти парня, он его не спас?!

— Алим с другом подходили ко мне не этой, прошлой зимой. Мне его биродар не понравился. Скажи, кто твой друг...

— Почему?

— Без печати высшего образования, — Абдулренат университетов не кончал.

Исमत поправил себя: — Интерес нехороший проявлял.

— Какой интерес?

— Как попасть в Афганистан.

— Зачем Алиму туда?

— Туда хотел биродар.

— А как попасть в Афганистан?

— Просто: купить билет на самолёт. Пешком я дороги не знаю.

— Я серьёзно.

— И я серьёзно. Так ему и сказал. На этом расстались. Эх, надо было настучать, разогнали бы всю команду.

— Зачем не настучали?

— Я не агент. А вы, кстати, не стукач? Любопытствуете.

— Я?!

Абдулренат поперхнулся от неожиданности, раздумывал, что сказать. Нечего. Иностранец снизошёл до честного ответа:

— Алима пожалел. Его бы тоже привлекли.

— Друг кто?

— Что за фрукт, не знаю. Позёр — да. Инициативный... балбес. Сквозняк в голове.

— Зачем ему в Афганистан?

— В горах позагорать.

— «Партизан»?

Абдулренат проявил осведомлённость. Исматулла не оценил, отмолчался. Продолжи он доставать афганца вопросами, тот захлопнется вконец. Умного собеседника терять расточительно; в нём ларец секретов зарыт, ошеломит не раз. Надавил на жалость:

— Не жалко Алима? Ничего плохого парнишка не делал.

— Дурноголовый. Сколько раз говорил ему, революционер — не профессия. В стране не стреляют, бесплатно лечат, работы навалом. В институте бесплатно учился. К кому, в итоге, прибился?

Афганец возьмёт Алима в испытательную поездку, чтобы приработок парню вышел, ему, может статься, надёжный компаньон. Его удивит пуританство молодого инка: никаких мирских интересов, регламент во всём, нудные вопросы о Писании. Дорога длинная, надоедливая, единственная радость — трапеза. Путники сядут поесть. В придорожном кафе Исматулла купит пышные булочки. Достанет вареные яйца из дома. Они халяльные? — спросит Алим. Как могут куриные яйца быть не халяльными, не поверит своим ушам коммерсант. Может, кур кормили неправильно, пробубнит парень. Курица не свинья, она родила это, заверит афганец, держа в пальцах яйцо перед

¹ А. Платонов, «Дерево родины».

глазами Алима, оно не может не быть халяльным. Парень не притронется к варёным яйцам.

Исматулла рассказал эпизод с яйцом Ренату. Ренат похвалил юношу:

– Истинный намазхан. Ел только халяльное. Молодец, усердный.

– Молодец? – возмутился Исмат. – Абдулренат! Из усердных фанатики рождаются.

– Мы с ним много общались. Он хороший. Неплохой, по крайней мере.

– Плохой, хороший – слова. Вы конкретные вещи у него спрашивали? На какие деньги он покупал еду, одежду? Молитвами не прокормишься.

– На что он жил? – впервые задумался Ренат. – Не спрашивал.

– А я о чём?

– Семья?

Исматулла усмехнулся. Абдулренат выдвинул другую версию:

– Джамаат? Партийная касса?

– Скажем так: его прикармливали. Говорил ему, революционеры – бездельники, их содержат. Ленин 55 томов написал. Алим что делал?

– Я тоже не работаю.

– Вы не лентяй. Ваш долг – жить.

– Я думал – право. А есть право – к Всевышнему скорей попасть? Это плохо?

– Не мне решать. Подумайте о тех, кто вас там будет обслуживать.

– Обслуживать? Мне не нужна услуга ни здесь, ни там.

– В рай проходят те, кто славно потрудились на благо Всевышнего и людей. Им полагаются.

Абдулренат поёжился, он не задумывался о сей детали райской жизни. Там золотая лень не для всех польётся? Подумал, надо почитать об этом подробнее, в тот момент не был расположен внимать непристойным разъяснениям афганца. Он признал, Алим исчез не случайно, не хочется думать, что засветился в недавнем мятеже, что не исключено, понимал Абдулренат. Их джамаат, он, Исматулла в том числе, виноваты, что юноша перерос из примерного верующего в злонамеренного фаталиста. Высказал мысль афганцу.

– Бросьте. Нельзя до конца понять деструктивное поведение, а их поведение было деструктивным.

– Не доказано, какое у него поведение было. А если он ни при делах?

– Нападение на милицию – не деструктивное поведение? Алим не исчез, он среди них.

– Уверены?

– Знакомый из безопасности сказал, – иностранец в который раз его огорошил.

Как у него получается добывать сведения? Спросил:

– Не бесплатно?

– Обедали вместе. Он не пачкается.

– С чего вдруг на контакт пошли? Ради Алима?

– Ради вас. Мучились же, где Алим.

Ради себя Исмат разведал у знакомого спецслужбиста, какова ситуация, чтоб решить, уезжать или не уезжать ему из страны.

– Не считаю его невинным пацаном, в отличие от вас. Не подозреваете даже, к чему он готовился. Не там искал смысл.

– Я тоже смысла в своей жизни не вижу.

– Женитесь, сразу смысл навалится.

– Возможно, вы правы, не там искал смысл. Но он хороший парень!

– Если бы! Дурень! – афганец раздражённо буркнул. – Шурави, вы на ровном месте колючку на мягкое место ищите. Нам бы ваши трудности!

– Ему мозги запудрили.

– Пудрят тому, кто хочет запудриться. Не с теми хороводился.

– Жалко, молодой.

– Хватит о нём. Он влип по уши. Не думайте о нём, голова сломается.

– Уже сломалась.

– Думайте о здоровье, о семье. Не лезьте учить государство править. Поймите, противостояние – природа отношений государства и населения.

– Как «противостояние»? Я думал...

– Гармония? Они давят друг на друга.

– Кто между?

– СМИ.

– Я думал, милиция, закон. Конституция, в конце концов.

– Конституция – просто книжка, недорого стоит.

– Бывает разумное противостояние?

- Когда кто-то уступает.
- Слабый?
- Должен сильный, он сильнее. Но уступает слабый, потому слаб.
- Кто из них сильнее?
- Государство.
- Я-то думал...
- Говорю, не думайте. И про Алима не думайте. Придёт время, услышите про него.
- Когда?
- Всё вам выложи. Мне что останется?

Мужчины рассмеялись, благословили друг друга, обнялись, пожали руки, разошлись. Абдулрэнат не знал тогда, что навсегда. На следующую пятничную молитву Исмадулла не пришёл.

Когда перестали появляться в мечети Алим, Исмадулла, Абдулрэната меньше и меньше тянуло туда. Он ходил на намаз, чувствуя себя обязанным следовать азану. Выбору не изменяют. Состояние восторга от Писания, от соратников, от проповедей пошло на убыль. Сопричастность к чему-то чистому, глобальному таяла. Он переставал быть страстным неофитом.

Абдулрэнат расписал свободную стену спальни разноцветной гуашью арабицей: ему понятно, другим — нет. Проходя в общую комнату, домочадцы обязательно приоткрывали дверь в келью Абдулы, чтобы гости оценили удачное дизайнерское решение. Комната сделалась мечетью, он сам себе — хазратом.

Не станет Алима, Исмата, он сблизится с Пулат акой. Домла, Пулат учительствовал в техникуме, был корешом Исмадуллы. Пулат ака первым подойдёт к Абдулрэнату узнать новости про афганца. Они прояснят, иностранец не поддерживает связь ни с кем из мечети. Мне его не хватает, пожалуется мужчина, шуток его; молодость вместе вспоминали. Между ними сложится обычай приветствовать друг друга вопросами: «не вышел на связь?», «написал?» Однажды Абдулрэнат поприветствует Пулат аку иначе:

- Давно не вижу вашего племянника Сардора, домла.
- Не мой, жены.
- Уехал к родителям?

Саида, жена домлы, была родом с Долины, из рода ремесленников. Испокон веков её предки ткали хан-атлас — бесподобную по красоте шёлковую ткань, воистину королевскую. Нити из кокона шелкопряда пучками окрашиваются природными красителями в разные цвета, соединяясь рваными переходами, образуют радугу. Полотно, словно в технике импрессионизма, образуется из отдельных мазков всевозможных оттенков, часто контрастных. Результат — праздник жизни, взрыв сочных красок.

Ручное производство радужной ткани теряло прибыльность, не привлекало подрастающее поколение. Промысел хирел, отец семейства не заставлял сыновей впрягаться в семейное ремесло. Пять сынов, единственная дочь выбрали другие профессии. Род шумно радовался, когда один из внуков, Сардор, — отца семейства зовут Сагдулла, детям и внукам он давал имена на «С», — поступил на журфак столичного университета, поселился в общежитии.

В первую же сессию Сардор оказался в гуще молодёжного протеста. За двенадцать лет до самоподрыва Молоденькой, во время зимней сессии взбунтовалась молодёжь студгородка. Подняли цену на хлеб. По прежней стоимости хлеб можно было купить по купонам, талоны студентам не успели раздать. К вечеру пустой желудок вывел ребят из общежитий. Возмущение вылилось в спонтанный митинг.

Кому-то пришло в голову усесться по примеру Ганди на землю. Власть вступит в переговоры, видя мирный характер их противостояния, рассчитывала толпа митингующих. Сардор с друзьями уселись на асфальт около кольца троллейбусной остановки. Слово за слово, студенты выливали накопившееся недовольство представителям университета. Требовали, пусть перед ними предстанут персоны с самого верха, держат ответ, что вообще творится в студгородке, в государстве. К разъярённой молодёжи уполномочённые высшей властью не вышли.

Накал возмущения рос. Студентов попросили разойтись по общагам. Они не разошлись. Толпу грубо разогнали. Двое погибли от милицейских демократизаторов. По спине Сардора тоже прошла резиновая пружинящая дубинка. Парню мерещилось, от удара его печёнка и селезёнка разорвались на куски. Молодых принудили повиноваться приказу. Так он приобрёл первый, сугубо негативный, опыт политической активности. С тех пор не мог спокойно, печёнка постоянно ныла, относиться к чиновникам. Озлобился. Критиковал все нововведения.

Болезненнее всего реагировал на выборы в республике. По законодательству, президент страны избирается на пять лет и не более двух сроков подряд. Юрт боши четырёхжды побеждал на выборах, дважды продлевал срок с помощью национальных референдумов. «Зачем принимали новую конституцию? Чтоб обходить?» — приходил

в ярость Сардор, когда интересовались, ходил ли он на выборы.

После окончания университета Сардор в Долину не вернулся, остался в столице утолять жажду справедливости. Отец махнул рукой на непонятливого сына. Дома бывал наездами. Не искал работу по специальности. Перебивался случайными заработками. Родственники между собой-то не обсуждали дела Сардора, не говоря уже о малознакомых его приятелях.

— Вам зачем?

— Я про Алима хотел узнать. Их часто в подвале видел...

— Не кричи, — оборвал его Пулат ака. — Наберись терпения, узнаешь. Лучше забудь Алима... — они вместе тренировались.

— Вот именно! Умники! Боевые единоборства при мечети, как только имама не «закрыли»?! Молодняк. К чему готовились? А-а-а? В рукопашную с милицией воевать? Ну-у, тупые. Не хочу слышать ни про него, ни про Алима. Кровь вскипает, как вспомню.

— Домла, тот взрыв на рынке — теракт? Вы же воевали.

Пулат ака заткнул бы Абдулрената, так что тот боялся бы просто подойти к нему, заговорить — подавно. Но Абдулренат нажал на любимую мозоль домлы, уважил, спросил как эксперта. Пулат ака почти диверсант в прошлом.

— Бардак это, не теракт. Надо же додуматься, бомбы на женщин вешать! Бессовестные. Черёд на детей вешать?

— В других странах вешают.

— Подражать боевикам? Не говори мне больше о них. Слышать не могу.

Пулат ака стоящей информацией Абдулрената не снабдил. Дал понять, если и имеется, не будет делиться. Он не откровенничал ни с кем, кроме иностранца. У Пулата и Исмагуллы было общее в воспоминаниях. Афганец был моложе домлы. Участвовали они в разных военных операциях, носить форму афганских вооружённых сил довелось обоим.

В самом конце семидесятых отобрали солдат-срочников из мусульман Средней Азии, мурыжили по спецназовской подготовке, переодели в афганскую форму, забросили за «речку». Пулат попал служить в первый мусульманский батальон ГРУ СССР — тот, который обеспечил проход советских рембо сквозь внешнюю охрану во дворец Амина. И во дворце без ребят мусбата не обошлось. Не одна сотня военных была задействована в той операции. Однако вся слава у бывших «Грома» и «Зенита», будущих «Альфы» и «Вымпела». Бачата мусбатов рисковали не меньше, но про них поспешно «забыли». Это выводило из себя Пулата.

Мелкое пренебрежение в череде подобных. Не спрашивайте после, почему составные части некогда могучего Советского Союза разбежались по национальным квартирам. Три славянских брата в перерыве между охотой в Беловежской пуще договорились развалить империю. Руководителей национальных окраин на охоту не пригласили. С той охоты стартовал крах Союза: разорение народа, тотальная ваучеризация (читай: прикрытие первоначального накопления капитала ушлыми чиновниками), исход русскоговорящих, межнациональный разлад. Кануло в лету нейтральное название объединения: «Советский Союз». Время, точнее, поправки к Конституции РФ о русском языке как языке государствообразующего — а то не знали — народа покажут, что дальновидно, за тридцать лет до поправок, национальные республики поступили — разошлись.

Первый мусбат досрочно демобилизовали, не повторившийся более прецедент советских времен. Пулату с трудом удалось доказать, что он участвовал в секретной военной операции, имеет законное право на привилегии ветерана боевых действий в Афганистане.

— Меня страна таким воспитала, каким бы ни был приказ, подчиниться. Приказ — святое. Нынешняя молодёжь на государство руку подымает.

— Нынешнюю молодёжь страна такими воспитала, бача, — подхватывал Исмагулла. — Это другая страна, не ваша.

Пулат не бача по возрасту. «Мальчишками» кликали советских солдат афганцы. Воевали на чужбине, как за родину, двадцатилетние пацаны. Домле неподдельно нравилось, когда Исмагулла обращался к нему: «бача» Мужчина расплывался в улыбке, глаза светились от удовольствия, молодец.

— Да, это разные страны.

— Правители те же. По всему СНГ те же.

— Ну, душман, ну, басмач, в точку. Ругали, Брежнев долго сидел. А сами?

— «Правители», не президенты.

— Говори: «руководители», безопаснее.

— Сейчас говорят: «лидер государства». Наверное, правильно, нельзя их часто менять. Коней на переправе не меняют.

— Какая переправа? Давно новой жизнью живём. Сын бороду до пупка отпустил, — домла тряс разведёнными руками. — Не учите, говорит, папа, сам знаю. Боюсь за него.

— Не обижайся, бача, плохо это.

— Согласен, плохо. Куда-то не туда ходит. Узнать не могу.

— Образумится, он парень неплохой. Думаю, зря беспокоитесь.

— Занесёт, как племянника, куда не надо. Всевышний спросит, что сделал ради меня, что отвечу? Ничего. Только сына родил. Из-за сына примерным мусульманином стал.

— А я думал, грехи перед Амином замаливаете.

— Спасибо, душман, напомнил. А то забывать начал.

На острых моментах они переводили разговор на нейтральные темы: что теперь с дворцом Амина, что с районом, который строили в Кабуле шурави, что с теми, кто получил образование в СССР.

— Душман, не обижайся. Зря мы вмешались тогда в ваши дела. Сейчас дошло, когда сын вырос, не учи, говорит, папа.

— А я — почему мы между собой воюем, не понимаю.

— Когда-нибудь перестанете. Что с родственниками, друзьями? Кто у нас учился?

— Разбежались. Мало кто прижился у себя. Сестра в Иране, один друг в Нидерландах, другой в Германии.

— Ты тоже махни в Европу.

— Зачем? Мне и здесь хорошо.

После трех дней весеннего переполоха Исмадулле станет нехорошо здесь. В течение трех месяцев афганец свернёт дело, распродаст имущество, налегке улетит на родину жены.

Прихожане оборачивались, недоумевая, о чём секретничают, похихатывая, солидные мужики. Домла негодовал, когда говорил о новых реалиях. Афганец вслух не высказывался о проблемах, в клубке которых его народ безнадежно погряз, даже думать об этом было больно. Когда страна придёт к согласию? Неужели единственный выход — разрубить узел волевым приёмом? Вот бы здоровые силы страны одним рывком сотворили нечто, схожее с захватом дворца Амина. Вас с друзьями попросим, поможете, шутил афганец, сами не справимся. При огневой поддержке — пожалуйста, отшучивался учитель. Становясь тут же серьёзным, вопрошал: зачем? Переворот — это горе, разруха. И так в стране вражда и разруха, увертывался иностранец.

Тогда, прожектёрствовал душман, присоединили бы к себе республики Средней Азии этнических соплеменников, север Афганистана почти весь заселён ими. Хорошо бы, соглашался бача, хотя оба знали, схожей утопии, приписываемой генералу Дусти-му, не суждено было реализоваться.

Мужчины шли по направлению к метро. Впереди две девушки. Открытые плечи, короткие юбки, босоножки на высоченных шпильках.

— Конечно, невозможно, — афганец не отрывал глаз от девичьих ножек. — Мы с вами, бача, на одном языке разговариваем, по крови один народ...

— Фактически — разные народы, хотя только «речка» нас разделяет.

— Почему паспорт для меня, я же свой, жалеют?

— Ты душман.

— Знаю. Поэтому иду, о девушках думаю. Вы даже не смотрите на них.

— Я старый.

— Я тоже не молод, но не могу равнодушно смотреть на них. Советская власть вам не только сознание, но и кровь поменяла, кожу. Какие белые ножки!

Мужские шаги длиннее. Расстояние сокращалось.

— Девушки, как вас зовут? — атаковал афганец.

Слыша разговор мужчин сзади, но изобразив, что обернулась по надобности, одна из девушек представилась:

— Меня Катя, она — Диля.

— А меня Федя, — нашёлся Исмад.

— Ну и дура.

Джентльмены рассмеялись, не затормозив, прошли мимо.

— Видели, какие светлые? Наши — как копчёная рыба.

— Мы с другими нациями перемешались. Плюс косметика.

— Не косметика это. Это сытая жизнь. Не пойму я вас, почему обижаетесь на Советы? До них мы с вами одинаково жили.

— Лично я не обижаюсь, — перебил его домла, — молодёжь бунтует.

Они уже спускались в подземку. В сердцах афганец обронил:

— Когда мой народ в метро будет ездить?!

Помимо политбесед, воспоминания бачу и душмана скрепляла тайна. По дури Сар-

дор рекрутировался к боевикам. Духовники общались с новобранцами неторопливо, в одной тональности, не игнорируя каверзные вопросы новобранцев. Сардор быстро осознал, куда завербовался. Сбежать самостоятельно — верная гибель. Горы не полис, городской человек заплутает в два счёта. Охрана в лагере была без надобности, скорее, порядка ради.

Сардор сумел дать о себе знать через парня, которого выкупили родители. Родители сбежавшего из лагеря парня наотрез отказались снабдить Пулата координатами посредников. Домла попросил помощи у Исмата. Высшую степень доверия бачи душман оценил. С блеском справился с заданием. По своим каналам нашёл нужных погранцов, сделал их сговорчивыми, те вывели на проводника, с которым также была заключена сделка. Проводник добрался до лагеря, дал охране мзду, выкупил олуха, спустил с гор до цивилизации.

Высоко в горах обзор на 360 градусов. Иллюзия, что до соседней вершины рукой подать. Огромные звёзды прямо над головой. «Весь мир на ладони, ты счастлив и нем»¹, если привычен к горам и в эти мгновения не одинок. На Крыше мира обманчивые расстояния, невидимые поначалу препятствия, абсолютная тишина.

Последнее — самое сложное. Ты один в пустом и холодном мироздании стоишь над обрывом «бездны равнодушной Вселенной»². Редко пролетит птица, завоет волк, прошуршит паучок. Ты бесконечно рад живому существу, в панике спасающемуся бегством от нависшей над ним твоей подошвы. Без песен дождя, бытовых щелчков, детского визга, скрежета асфальта, стука молотка за стеной, концерта в наушниках — без какофонии из приятных и неприятных, неожиданных и постоянных, слабых и резких шумов свихнуться можно за двадцать минут. Кто-то продержится дольше, но через час начнёт бушевать, драть горло, взывая к людям. Проверьте себя. Тяните на больший срок — вы гуру в медитации.

Если дезертира из лагеря боевиков поймут, парней ждёт зрелище. Новобранца выводят перед строем замерших в безмолвии ребят, ставят на колени, хватают за волосы, чирк по горлу, как жертвенного барашка. Казнь без громких речей, безумных истерик, съёмок. Нет эшафота, нет пули в лоб. Только нож по шее. Завораживающее действие, гипнотизирующее мужчин, делающее каменными их души. Они научаются: убивать легко, как и быть убитым.

Много лет спустя Лера увидит кадры, как аналогичным образом игиловцы расправляются с иностранными журналистами, скажет себе, своевременно, в зародыше, подобный беспредел на бывшей родине искоренили.

После возвращения с гор профессионального бунтаря семейным советом было решено отправить к дальним родственникам. Сардора подрядили формировать кирпичи из сырца. Родственники дали беглецу кров, еду от пуза, возможность заработать. Он еле выдержал три месяца ссылки, сбежал в город приближать триумф справедливости. В доме тёти не обитал, где перекантовывался — неизвестно. Мелькал в мечети, дядька фиксировал, передавал жене, а та родителям, что племянник жив, здоров, не отощал, просьбами не докучает.

Непочтение к Конституции при выборах главы государства было обоюдным пунктиком незадавшегося журналиста Салима и студента Алима, сдружило их, сделал вывод Абдулренат. Алим гром и молнии метал, если затрагивался этот вопрос.

— Обещали менять людей у руля, закон приняли. Слово не держат, — обида звучала по-детски.

Алима волновали не конкретные персоналии, а почему механизм смены власти буксует. Он усматривал унижение нации в утверждении, что народ имеет то правительство, какое заслуживает. Выросший в эпоху независимости, молодой человек верил, родина заслуживает лучшего. Раньше мешал центр. Мешал ли, перебывал его Абдулренат. Теперь всё в наших руках, напирал парень.

— Выборы — не олимпийские игры, чтоб проводить через каждые четыре года. Для власти, для меня, между прочим, тоже, стабильность важнее.

— А мне перемены.

— Конституция перемены не гарантирует, наоборот.

— С имён бы начать. Не больше двух сроков. Не ждать их естественной кончины, чтоб другого назначить.

— Мне всё равно, кто наверху. Я внизу живу.

— Ждали, лучше заживём, надеялись. Москва не командует. Аванс в руки им вложили. Они обещали. Что за пятнадцать лет изменилось в лучшую сторону? Народ расползается, как муравьи, по дальним странам, чтоб семью здесь кормить. Другие нации обидели, специалисты уезжают. Есть мозги, нет мозгов, есть деньги — университет в

¹ Из песни В. Высоцкого.

² Метафора А. Меня.

кармане. Правильно Хазрат говорит, в них нет имана. Верующий держит слово, боится не людей, Всевышнего.

— Президент боится Всевышнего. Присягал одной рукой на Конституции, другой на Писании.

— Не боится. Клялся Писанием, чтоб операторы засняли. Хазрат говорит, наше государство — государство неверующих, его законы можно не соблюдать.

— Наш хазрат говорит? Не припомню...

— Другой...

— Я его знаю?

— Нет.

К этому хазрату, харизматичному, надо полагать, Алима повела Тамара. А ещё Тамара дала ему почитать «Путь к вере». Алим дал полистать книжицу Абдулренату. На него брошюра не произвела впечатления, обычные изыски на религиозную тематику. Шокировала его лишь одна деталь в предисловии: автор был осуждён за призыв к госперевороту, умер в заключении, что было написано в примечании. Абдулренат долго искал в тексте призыв к захвату власти. Возможно, это было закодировано в контексте:

«Как вы видите, религия — это не сказка или легенда и не какие-то ритуалы, совершаемые в определенное время. Религия — это путь, предписанный Аллахом, который приведет к счастью в этой жизни и после воскрешения. Идти или не идти по этому пути, человек решает по своей воле. Тот, кто не хочет идти по этому пути, считается неверующим и обречен проводить свою жизнь в материальных и моральных страданиях, а в будущем мучиться в аду... Этот путь начинается с веры Великому и Единому Аллаху, укреплению этой веры. Свою веру невозможно укрепить лишь одними словами. Для того необходимо, чтобы сказанные слова конкретно подтверждались на деле... Вера — это основа ислама и все действия человека по отношению к указаниям Аллаха зависят от его веры, от чистоты и силы его убеждений. Чтобы полностью выполнять все указания и запреты Аллаха, у человека должна быть сильная, достигшая совершенства вера».

«Если есть стадо — есть пастух»¹. После знакомства с популярным в молодёжной среде хазратом Алим обзавёлся кучей бородёнкой. Юноша был светел лицом, весной проступали веснушки, которые становились невидимыми под ровным, цвета обожжённого кирпича, загаром; строптивые, темные у корней, волосы на концах отливали медью, — словом, гнедой жеребец. Жиденькая бородёнка нервировала прихожан. Зрелые мужики говорили, не позорься, сбрей, возмужай сначала, позже отрастишь. Алим бороду не сбрил. Подправлял, темнил хной, хадисы позволяют.

В начале осени Тамара найдёт сайт, где будет помещена сжатая информация и — о! неожиданность — фотография с судебного заседания над молодчиками, устроившим бучу весной. Она покажет сайт Абдулренату. Не на это ли намекал афганец, когда сказал, что он услышит в своё время про Алима? Иностранец был достоверно информирован об аресте? Откуда? Проболтался спецслужбист за обедом? А если сам сдал парня.

На фото из зала суда пятеро молодых мужчин за решеткой, в белых — почему-то все в белых — цивильных футболках и рубашках. Аккуратно постриженные, побритые. С опущенными глазами. Среди пятёрки Абдулренат признает Алима. Сардора не разглядит; прохиндей, похоже, и в этот раз сухим вышел из воды. Волосы Алима будут абсолютно темными, без рыжины, послушные и мягкие, судя по снимку. Через что прошёл парень, если волосы, и те изменили свою природу?

Абдулренат и Тамара не будут знать, радоваться им или огорчаться. Алим не отстреливался, иначе бы его ликвидировали. Вероятнее всего, таким был приказ силовикам, решат они. Гранатой себя не подрывал, раз сидит за решёткой. За что арестовали? Взяли за компанию? Сайт сообщал, пятёрке молодых грозит многолетнее заключение, не исключена высшая мера наказания. Смертная казнь была ещё в силе. Конкретные фамилии не упоминались.

Отследить далее судьбу парня Тамара не пожелает, Абдулренат не станет. Тамара была равнодушна к Алиму, но у девушек память коротка. Абдулренат мысленно согласится с Исмадуллой, Алим не ребёнок, мужчина, сам выбрал, с кем ему хорошевать. Зря он на него бочку катит. В конце концов, афганец сделал для защиты Конституции больше, чем Сардор с Алимом оба.

Когда стала известна альтернативная кандидатура на президентских выборах, Исмадулла откровенно радовался: «Я знаю его по аспирантским делам. Голосуйте за него». Прихожане отнекивались, мол, победит действующий президент. Всё равно голосуйте за него, достойный человек, повторял афганец. Что ты за него агитируешь, спрашивал бача иностранца. Остроумный человек, отвечал душман, рассказывал

¹ Цитата из песни В. Цоя «Белый день».

всем подряд, почему. Исматулла презентовал реферат профессорской комиссии. Его прерывает будущий кандидат в президенты: «Почему для вас Ишматов — товарищ, Ташматов¹ — господин?» Исматулла в волнении обращался к кому-то «товарищ», к кому-то «господин». Профессора рассмеялись, Исмат расслабился. Презентация далее пошла гладко.

Второй кандидат в президенты отнял у избранного четыре с небольшим процента голосов. Поплатился за эти цифры крахом карьеры, репутации, здоровья. Абдулрэнат голосовал за кандидата от Исматуллы, братьев попросил, то есть свою внёс лепту в защиту Конституции.

Началось лето, пришла жара. Лера быстро пробежалась мокрой тряпкой по линолеуму освежить воздух в комнате. Не помогло, не уснула. Встала, закрыла окно, чтоб мошкара не налетела, включила настольную лампу. На чистой странице толстого кожного ежедневника, подарок Софи, британской исследовательницы, составила список окружения Нилюфар: муж Мурад, брат Рахим, подруга Севара, сосед по махалле Андрей, жених Абдулрэнат, ухажёр Асхат. Включила было Севару, но сразу зачеркнула. Нилюфар и Севара не общались активно последние два года, иначе она была бы в курсе. Отсекла Андрея с его подозрениями в адрес Мурада. Его наблюдения, пусть тонкие, далеко не факт. Жирно замазала Асхата, бумага аж порвалась на его имени. Мужчина полностью исчез с горизонта Нилюфар года за три до этой весны, если не больше. Подумав, включила в список молоденькую Шахиду, поставив рядом с именем знак вопроса. Два подрыва с разницей в сутки в одном городе — только круглый идиот будет отрицать связь.

В центре второй страницы прочертила крупно «Н», мельче начальные буквы трех мужчин. Соединила горизонтальной линией Н(илю) с Р(ахимом), от «Р» стрелку повела вверх до М(урада). От «М» спустилась к «Н». Треугольник замкнулся. Протянула стрелку от «Н» вниз к А(бдулрэнату). С кем связать «А», кроме «Н», Лера не знала. У «А» с «Н» была двухсторонняя связь, она это обозначила обоюдно стрелкой. Лера еще не знала, Шахида сблизилась с Нилюфар, стала старшей подругой, не по возрасту, по опыту послушания. Тамара — приятельница «Ш». Лера внесла в список Тамару. Как найти место «Ш» и «Т» в схеме, не знала. Конфигурация липкой паутины окружения Нилюфар нуждалась в завершении. Открытый конец беспокоил.

Лера решила закруглить схему, начать с Абдулрэната. На этой мысли заснула. Наутро, порывшись в блокноте, отыскала его контакты. Соседка по подъезду, приезжая одинокая женщина с двумя дочками, попросила Леру, коренную горожанку, найти недорого муллу, чтоб освятить квартиру, в которую та въехала. Повод выйти на связь с приятелем Нилюфар отыскался. Лера позвонила Абдулрэнату, договорилась об услуге. Он провёл процедуру без излишеств, сказав, что освящение жилья, скорее, язычество, если сильно хочется, вреда не будет. После ритуала они отобедали тем, что приготовила хозяйка квартиры.

В жизни Абдулрэната пошли перемены. Исчезли Алим, Исматулла, Тамара. Запропастилась Нилюфар. Усилилось нездоровье. Он отвыкал жить². В чём проявлялось? Раздавал, раздавал, раздавал. Свои мысли, сбережения, книги, вещи. Предчувствуя смерть, человек раздает блага, настроенный жить — копит. Понаблюдайте.

Его разыщет Лера, прервёт печальный настрой, займёт необходимостью его воспоминаний. Она выведет мужчину из грустных раздумий, пригласив провести ритуал освящения квартиры соседки. Они станут часто переговариваться. Общая тема сведёт их.

— Что с ней? Почему не звонит? — встревожится Абдула, когда Лера позвонит ему в первый раз. — Я ей в последнее время не звонил, она же вышла замуж, неудобно.

Лера лихорадочно соображала, как сообщить, что подругу отнесли на кладбище: «умерла», «рецидив пошёл», «не стало»?

— Погибла, — честно ответила Лера.

— Погибла?!

— Да. Похоронили в начале апреля.

— Почка отказала?

— Если бы.

— Авария?

— Почти. Взорвала машину на блокпосту.

На следующее после самоподрыва Молоденькой утро на выезде из города усиленный военными дорожный патруль остановит «Тико». Рутинная проверка. Нарядно одетая женщина неторопливо выйдет из машины, с улыбкой на устах приблизится

¹ Ишматов, Ташматов — аналог Иванов, Петров, Сидоров.

² Метафора А. Платонова из «Дерева родины».

к мужчинам с автоматами на плечах, мужчины к ней. Они не встретятся. Прогремит взрыв, «Тико» взлетит вверх. «Ведьма», — проговорит раненный боец. Ведьмины соратники откроют пальбу.

— Не может быть! Этого не может быть. Нет, нет, нет. Не может быть.

Совладав с шоком, он торопливо перескажет Лере городскую быль про редактора газеты адвокатов. Когда прогноз ясен, однозначность скорого ухода даёт силы выкинуть какой-нибудь фортель, например, ограбить банк, помните, как в «Достучаться до небес», изложит он собственную версию, почему Нилюфар совершила взрыв. Лера возразит, у женщин любовь к жизни сильнее, проявляется в самой безнадёжной ситуации, сошлётся на «Жизнь взаймы» Ремарка: «Если бы вы только знали, как мне хотелось бы остаться, — медленно сказала она. — Я согласна быть бедной и одинокой, только бы остаться! Остаться! Все остальное — ложь и мужество отчаяния».

— Почему вокруг меня люди исчезают, а я ещё жив? Почему я не чувал, что с ними что-то не так? Я слепой и глухой. Я должен был уберечь их.

— Это муж её с прямой дороги сбил.

— Муж? Как они встретились?

Лера расскажет в двух словах, как Мурад «встретил» Нилю.

— А вас кто с Нилю познакомил?

— Знакомый.

Лера попытается, кто конкретно. Толик, выдаст приятеля Абдула, из вашей махаллы, пересекались с ним в больницах. Хорошая, но невезучая, сказал, жаль, что одинокая. Есть такой Толик, уточнит Лера, верно про Нилю сказал: хорошая и невезучая.

В беседах с Абдулренатом Лера поймёт, как Нилю попала в ряды радикалов. Толик сведёт Рената и Нилюфар. Ренат познакомит Нилю с Тамарой, надеясь, опытная Умида отын-ой, бабушка Тамары, утешит Нилю, её мать. Тамара введёт в — тайное? — сообщество Нилюфар. Там она сблизится с Шахидой, подружатся их мужья, Комол и Мурад. Молоденькая Шахида возьмёт под опеку разменявшую третий десяток Нилюфар. За полгода до переключения тумблера они сроднятся как сёстры.

Круг липкой паутины, из которой не смогла вырваться Нилю, замкнула Тамара. До Нилюфар Тамара пригласит в домашний кружок возле цирка Молоденькую. Туда же приглашит Алима. Юная барышня, мягкая кошка при мечети, поставщик кадров. Раззадоривает людей, разжигает страсти, сама в кусты. У Леры вырвалось:

— Ненавижу её!

— О, женщины! Не поносите друг друга. Не Тома толкнула Нилю в ад.

Члены домашнего кружка по изучению Писания участвовали в жизни соратников. Тамаре вовлечённый в ячейку стоматолог бесплатно залатал зубы. Алиму подкидывали разовые подработки, некий патрон снабдит добротной верхней одеждой. По протекции Шахиды Нилю устроится лаборанткой в НИИ не эксперименты проводить, набирать тексты на компьютере, пригодились компьютерные курсы, уроки Асхата. Работать Нилю умела и любила. Мать часто говорила дочери: «Кимгадир бахытни тикин берар, кимгадир иш бахыт диб берар»¹.

На второй день после взрывов в городе Лера получит короткий мейл Софи: «Ехала в машине, по радио сообщили, в вашем городе неспокойно. Как вы, не задело ли вас, ваших близких? Примите моё искреннее сожаление». Ей сопереживали, сопереживали стране. Это было впервые, и это было приятно. Кроме британки, ни далёкие российскийские родственники, ни одноклассники, которые разбрелись по миру, не соизволили выразить Лере сочувствие из-за прогремевших событий. Лера пожаловалась маме: почему? Мы не приучены выражать сожаление, объяснила женщина. С тех пор, если у знакомых или родных в стране разыгралась стихия, стряслась катастрофа, прозвучали выстрелы или случилось личное горе, Лера обязательно посылает им слова сочувствия. В ответ получает искреннюю признательность. До той весны ей казалось, соболезнование имеют право выражать люди лишь почтенного возраста. Выяснилось, нет. Сопереживание трудно выразить в первый раз, со временем оно выговаривается естественно.

С Софи Вудсон Лера познакомится примерно за год до вооружённых стычек с милицией. Исследовательница Оксфордского центра ислама, по совету Бритиш Каунсл, найдёт Леру в качестве гида-переводчика. Британка изучала религиозный ренессанс, в частности, феномен женского исламского самообразования. Просвещение проводили продвинутые в учении, заслужившие своим поведением уважение окружи женщины, именуемые отын-ой. Софи хотела собрать интервью с ними.

Год назад на май пришёлся мавлид — месяц, когда празднуется день рождения Пророка. Через посредничество Нилюфар Лера и Софи выйдут на Абдулрената, через него — на Умида опу, авторитетную отын-ой. Женщина не сразу согласится на интер-

¹ «Кому-то счастье так дано будет, кому-то работа дана будет как счастье».

вью. Софи покорит её тем, что вскользь, но безошибочно воздаст хвалу Всевышнему: «Аль-Хамду ли-Ллях...» После сложных дипломатических переговоров, маленьких презентов Умида опа пригласит Софи и Леру на ритуальное собрание в честь мавлида.

Умида опа достойно подготовится к мероприятию. Угощения на скатерти, расстеленной на ковре, срязят британку количеством и разнообразием. В начале и в конце приёма женщины будут дарить почтенным матронам подарки, деньги. После введения Умида опа нараспев почитает по-арабски стихи о Пророке. Собравшиеся сосредоточенно будут внимать. Периодически отын-ой будет отрываться от стихов, толковать их. Когда теоретическая часть завершится, женщины во главе отын-ой воздадут молитвенную хвалу Всевышнему. Каждая отопьёт освящённой водицы, Софи и Лера тоже. Чаша с подслащенной водой с самого начала встречи стояла возле отын-ой. Затем женщины приступят к трапезе. Во время обеда Умида опа будет отвечать на религиозные и житейские вопросы женщин.

Мероприятие не впечатлит Леру. Тексты Писания сложны для восприятия новичку. Ей запомнится другой момент. Софи потянется левой рукой за самсой. Женщины на легонько коснутся её предплечья: «Мехмонда куркак бол», — покажет жестами, дескать, бери правой рукой. Софи взглянет вопросительно на Леру. Лера медленно протянет правую руку к тарелке с самсой. Она испугается, что Софи не поняла её. Но нет, Софи быстро перестроится, возьмёт правой рукой аппетитный пирожок. Какой иностранец откажет себе в удовольствии испробовать вкусные даже на вид блюда местной кухни?!

Внучка отын-ой заметит растерянность важной гостьи. Провожая до остановки, разъяснит, почему Софи сделали замечание. В исламе строгие правила, будет бубнить Тамара, правая рука для чистых дел, левая для грязных, в туалете, в частности. «Чистота тела и души — половины веры», — подытожит тоном папы римского мини-проповедь девушка. Речь Тамары Лера подкрепит личными примерами: «Мы летом не принимаем ванну, не моемся в стоячей воде, предпочитаем душ, проточную воду. Вы греетесь в воде, нам остыть надо. Редко едим свинину, летом не лезет. При жарком климате инфекции разрастаются мгновенно. Люди выработали правила, освятили их силой веры, иначе не заставить соблюдать их».

Софи кивала головой в знак согласия, но оставалась расстроенной. «Софи, обычаи возникли не из головы. Воды не хватало часто руки мыть — распределили по задачам. Жара, пыль, песок — надели никаб. Я сама готова носить никаб, чтоб лицо не сгорело на солнце. Из косметических соображений — нечестно, поэтому не ношу, но понимаю, почему носят». — «Это было раньше, — возражала Софи, — есть же евроислам, был, в конце концов, джадидизм, просвещенный ислам. Почему его вы не возрождаете?» Лера ловко отобьётся, дескать, вопрос не ко мне, я бы тоже хотела знать ответ; да, мы изучали историю джадидов в университете, почему их идеи не прижились — пусть разберётся она, человек учёный.

Для Леры религиозный ренессанс, о котором талдычили иностранные исследователи, выражался в новых понятиях, в присказках. Раньше махаллинские воздавали славу Всевышнему словами: «Худога шукур». С некоторых пор Лера чаще слышала: «Аллога хукур». К известному «аминь» прибавился ранее редкий «иншааллах». «Иншааллах» — «если на то воля Божья» — давалось ей сложнее, она по-прежнему ограничивалась печатью «аминь», закрепляющей пожелание и молитву на любом языке.

Гости тепло попрощаются с внучкой Умида опы. Лере она не понравится: старушка в облике юной ханум, поучает при каждом шансе. Не рано ли? Правильная вся. Жениться на ходячем сборнике норм и запретов вряд ли вдохновит парней, подумает она, и угадает. Тамару члены кружка, в который завлеклись она и Шахида, не позовут замуж. Молоденькой уже через три месяца сделают предложение. Девушка-кипяток буквально притягивала взоры юношей к себе. Обуреваемая ревностью, кастинг не прошла, Тамара покинет кружок, сославшись на бабушку, не одобрявшую идей, которых внучка нахваталась. Ещё Умида опа запретит ей принять ухаживания Алима.

Итак, Абдулренат познакомил Нилюфар с Тамарой. Прежде чем покинуть сообщество, она свела Нилю с Шахидой. Соответственно, познакомились их мужья. О муже Шахиды Лера от Абдулрената (он в свою очередь от Тамары) узнала немного, что старше на восемь лет, есть первая жена, ребёнок в провинции, заботу о которых преданный борец с системой возложил на родителей, далёкую семью навещает редко.

Абдулренат сватался к Нилю. Он в подробностях расскажет Лере, о чём они говорили, мечтали. Мужчина признался на первом же свидании, что Нилюфар не в его вкусе, но он готов жениться, гемофилия — не препятствие делать детей. И Лере втулял, женщина не должна быть без мужчины рядом. О ней сперва заботится отец, затем брат, муж, сын. В мире столько одиноких женщин, сердце саднит, кругом они. Была бы возможность, осласливил бы всех, глядя в глаза Лере, заявит Абдулренат. Писание позволяет мужчинам иметь несколько жён, чтобы каждой досталась забота и тепло.

А что делать? Мужчин не хватает. Есть «женское счастье», «личное счастье», практически не употребляется выражение «мужское счастье»; почему? — спросит он Леру. Действительно, почему? Что вместо счастья должно быть у мужчин? Власть, деньги, слава — что? Я не мужчина, не знаю, закусит губу Лера.

Браки по любви (читай: по вожделению) воспеваются в искусстве. Основной инстинкт в предельном проявлении, что страстью именуется, заманивает людей в брачный союз. Порадуемся за них. Как быть одиноким, вдовам, разведёнкам с детьми на руках, невезучим, больным? У которых половое влечение в угнетении, а витальные потребности выпячиваются наружу. Если мужчина протягивает руку помощи женщине в незавидной жизненной ситуации, обещая защиту от нужды, одиночества, тоски, его статус уже женатого не кажется суровым табу. Тогда случаются браки по милосердию, по согласию. У них серьёзное основание быть. Основание это не страсть: браки, когда молятся не на бога, на спасителя, спасительницу. Преодолеть себя, подписаться на пожизненную заботу о проблемном человеке — многого стоит. О подобных браках не пишут романы, не снимают кино, хотя они совершаются.

В двадцать два Лера сходила замуж, однако быстро вернулась. В гостях у корейской родни её заметили два брата. Русскую родню она в глаза не видела. Отец привёз жену из маленького сибирского городка, где проходил армейскую службу. Приезжала два раза русская бабушка погостить. С развалом СССР общение с сибирскими родичами свелось к редким звонкам. Лера унаследовала от матери, высокой голубоглазой блондинки, только рост. В остальном внешне типичная кореянка, не чагубя¹.

Младший Хван рьяно ухаживал: каждый день букет, билеты на съезжих музыкантов, прогулки по городу. Старший, хирург в ожоговом центре, вызывал вечерами поболтать возле ворот. Умный собеседник, какой мало впечатляет двадцатидвухлетних девушек, он не подгонял события в гриву и в хвост, как младший. Лихач Лёха первым сделал красивое предложение. Лера не устояла, приняла предложение. Хваны — авторитетное, небедное семейство, Лёха — обаятельный парень, возраст обзаводиться семьёй у Леры подошёл. Аргументами «за» забросала мать. Наперекор увещеваниям, Лера пошла замуж.

Сыграли пышный запой, по меркам иной семьи, свадьбу, заведено у корейцев шумно родниться. После запоя, до официальной свадьбы, по корейским обычаям со-сватанная девица живет с женихом. Лера переселилась в уважаемый дом Хванов. Скоро поняла, почему мама была против Лёхи. К Хванам наведывались рэкетеры, угрожали. Девушка опасалась за свою жизнь. Когда Лёхе выбили челюсть, он попал в челюстную хирургию, сбежала. Мама оказалась права: «Отруби картёжнику руку, не перестанет играть, уж поверь, я корейцев знаю. Дом заложит, родню не пощадит, самого убьют, концы в воду. Старший — отличный парень, ты же с оболтусом связалась».

Лера решится на брак с иностранцем по согласию после отношений с Лёхой. Брак по согласию — не значит быть второй по очередности или параллельной женой. На момент встречи заграничный жених был абсолютно не отягчён обязательствами. Мечтал выбрать в спутницу жизни иностранку, чтоб у его детей было два родных языка. Лера вызовет в нём страстные чувства, это будет заметно с первой встречи оффлайн. Ей он будет просто импонировать. Кровное родство появится позже, по мере того как муж будет себя вести в различных житейских перипетиях.

— Если женщина не захочет делиться мужем с соперницей? — съехидничала Нилю на первом свидании с Абдулренатом. — Даже наивным доходягой, как ты... — она не высказала вслух концовку мысли.

— Нельзя быть эгоисткой.

— Нельзя. Не то, как в «Минувших днях», одна жена отравит другую.

— Атабек виноват. Мужчина задумал жениться второй раз, обязан был наладить мир между жёнами. Почему я не против полигамии? — задал вопрос и сам на него ответил жених: — Чем втайне соблазняться, лучше открыто жениться, честнее.

Нилю не стала раскручивать тему дальше. Абдулренат не испытал всей гаммы финансовых, жилищных, родственных вызовов. Он лишь готовился жить. Как и она. Припозднились оба. Два сапога — пара. Попробовать, что ли, замуж за него выскочить, авось сложится, — пряча улыбку, чуть не проболталась она.

— Что касается меня, я б женился много раз, если б имел возможность. Полноты условий нет. Недавно осознал, всё равно пора. Женюсь при том, что имею на данный момент.

— Вам безразлично, на ком жениться?

— Как и тебе, — поддел Абдулренат.

Между ними завяжется телефонный роман. Из микрорайона, где жил Абдулренат,

¹ Чагубя — метис.

в махаллю к Нилюфар не наездишься, далеко. Жених был великолепным оппонентом, уговорил Нилю по телефону замуж за него выйти, попытаться счастья. Поднялся переполох, когда Абдула объявил семье, что надо сосватать ему Нилюфар. Он не любил собственное имя, считал аббревиатурой, расшифровывал как «революция, наука, труд», представлялся Абдулренатом в мечети, дома требовал, чтобы звали Адулой.

Отец выступил против. Жена Рамиля, Назира, подняла деверя на смех, она не воспринимала его как мужчину: белый, как полотно, раздутые колени, передвигается на костылях. Женщина не замечала, что деверь — красавец Фидель Кастро в молодости, только ниже ростом. Белая холщовая рубаша, в которую он переоделся, став на молитву, выгодно оттеняла крупные локоны, густые ресницы, кучерявую бороду, проникновенные глаза. Не видел этих черт разве что слепой. Старший брат Наиль с женой Венерой, они жили отдельно, поддержали младшего отпрыска на семейном совете: «Давно пора, вдвоем веселее, ругаться тебе не с кем, всё в себе да в себе».

Сопротивление домочадцев не сломило Абдулу. Он снова и снова заводил разговор о женитьбе. Невестка ударилась в тревогу, деверь приведет в дом ещё один рот, ещё одного безработного. Неправда, хоть не высокооплачиваемую, но постоянную работу в тот период Нилюфар имела. Назира громко взбунтовалась: «Жить отдельно, холодильник отдельно, денег не занимать, двор прибирать по очереди». Отец, мать, Рамиль протестовали сквозь зубы: «Хорошо подумал? Вы и свадьбу хотите?»

При сватовстве мама Нилюфар будет настаивать, на скромном свадебном застолье, на белой фате: «Моя дочь не хуже других; выйдет замуж со свадьбой». Отец Абдулы начнёт плакаться: «Кризисные времена, я бросил работу, нет прежних доходов, зачем двум инвалидам свадьба, посидим в тесном кругу». Вкладываться в праздник сына с мизерной пенсией инвалида с детства ему было не с руки. Ренат не работал. Он освоит ремесло сапожника в училище, отец соорудит будку, купит инструменты. Бизнес не заладится. Старшие сыновья — на престижных, доходных должностях, младший — неудачник. Будущая невестка из того же теста. Зачем тратиться на пирушку? Уживутся ли? Разбегутся — деньги вылетят в трубу.

«Будет по-вашему. Не будет свадьбы. Отдадите времянку? Пустует же», — гасил гнев родных Абдула. В видной части их добротного подворья расположен высоченный дом, сбоку от дома выстроен крепкий хозблог из летней кухни, бани, гаража, мастерской. Двухкомнатная времянка, в которой начали жить родители Абдулы, прячется за кронами деревьев в конце сада, у заднего забора. В заборе отдельная калитка, которой они не пользовались. Времянку ему отдали. Братья приняли ремонтников выделенное младшему брату жильё. Мать занялась подготовкой к сватовству.

Во время сватовства родители Абдулы через раз упоминали «двух инвалидов», чем не понравились стороне Нилюфар. Нилю не скрывала от Абдулы, что у неё функционирует одна почка. Её близкие не считали жениха и невесту инвалидами: подумаешь, костыли, у невесты вообще не видно изъянов. И свадьбу не требовали пышную, лишь бы была, лишь бы подруги невесты повеселились. Сватовство срывалось. Тетка прибежала к Нилю в спальню спросить, сильно ли та хочет замуж за Абдулу, лично она против, сваты оскорбляют их своим «два инвалида», лучше откажись. Нилю кивнула. Тетка помчалась обратно огласить волю племянницы.

Не то чтобы Нилюфар испугалась неприятия родни Абдулы, она была по-настоящему напугана участковым терапевтом. Врач поведала, родится дочь, она может быть носителем гемофилии, тогда внук, вероятно, будет страдать от гемофилии. Рисковать здоровьем невинного ребёнка? Какая женщина в здравом уме, в твердой памяти пренебрежет высокой вероятностью болезни внука? Недоброжелательность Ренатовой семьи сыграла ей на руку, появился благовидный предлог расстаться. Нилю и Абдулренат расстались друзьями, продолжали ценить друг в друге начитанных собеседников. Телефонный роман перерос в телефонную дружбу. Кроме Абдулы, кандидаты на руку и сердце Нилюфар до Мурада не поступались в ворота.

Абдулу больше всего в провале затеи со сватовством огорчило, что испечённый огромный пирог родные невесты вернули целым. Он не мог взять в толк, что не разломленная лепёшка, неразрезанный пирог — знак, что сватовство не состоялось, что ответ невесты или родителей отрицательный. После сватовства большое семейство незадачливого жениха набросилось на пирог, слопало до единой крошки. У Абдулы кусок не лез в горло. «Пирог при чём? Вы могли его разрезать, поест, мама ночь не спала, пекла», — сокрушался он ночью по телефону. Когда домашние улеглись, несостоявшиеся жених и невеста созвонились, обменялись впечатлениями.

Нилюфар отводила душу в разговорах с Абдулой. Когда занемогла, он регулярно навещал Нилю. Подозрительная опека, сомневалась она в его искренности, кто ему поручил её навещать. Что в хадисе ат-Тирмизи написано? «Когда вы входите к больному и подбадриваете его, то это ничего не меняет (в предрасположении), но поднимает его дух». Примерный Абдула выполнял это назидание. Никто не поручал, по личной

инициативе делился он мыслями с ней. Он сам возложит на себя миссию утешителя тех, кто испытывал потребность в утешении, а не только бывшей суженой. На конкретные деяния его сил не хватало.

Понять Нилю ему не было трудно. Абдула существовал в схожих обстоятельствах. Схожих, да не совсем. Гемофилия — врожденная особенность, развиваются, конечно, осложнения, но их можно держать в узде, если дисциплинироваться. У Нилюфар болезнь возникла незаметно, скоротечно прогрессировала, вконец разрушая организм. Разница громадная.

— Разве я не заслуживаю счастья? Одна болезнь за другой. За что?

— Пророк сам страдал через здоровье. Кому, как не ему, знать, каково быть в болезни и страданиях¹.

— Страдал, не страдал — меня мало волнует. Это я мучаюсь, постоянно мутит, пища в рот не лезет, волосы выпадают. Рядом люди радуются. Справедливо?

— Тагдир, судьба. Надо терпеть, Всевышний учит...

— Судьба? Вы останетесь жить, а меня закопают? На моём лбу это написано? — порой она не сдерживалась.

— Жизнь — испытание, — Абдула был ровен.

— Верю, ты родился для испытаний. У меня другие планы на жизнь были.

— Твои планы? У Всевышнего на тебя отдельный план. Поверь.

— Почему у кого-то на меня есть план? Не хочу.

— Поэтому ты наказываешься. Доверься Всевышнему.

— Что хорошего он для меня сделал?

— Хорошее придёт. Научись любить Всевышнего. В ком нет любви, тому мир представляется состоящим из скорби и зла.

— Конечно, из зла. Кто мне дарил любовь?

— Сама не пробовала дарить?

— Попробуем вместе?

Попытка создать семью потерпит фиаско. Нилюфар не узнает, Абдула ненамного, на год, переживёт её. Откроется кровотечение, бригада скорой разведёт руками, оставит дома истекать кровью. На рассвете он тихо уйдёт.

Лера поедет к Роза опе выразить соболезнование. Женщина расскажет, как сын уходил: «Был четверг, я приготовила плов. Абдула с аппетитом поел. После обеда собрался пройтись до магазина. Выходил, споткнулся на ступеньках, кубарем скатился вниз». Дом строился на века, стоит на полутораметровом фундаменте. Абдулу подняли, уложили в постель. К вечеру пойдёт кровь. Ночью ему станет плохо. Попросит мать, полежи со мной. Мать уляжется рядом с сыном. Он то и дело будет просить прощения у матери. «За что?» — удивится Лера. «Наверное, за то, что родился больным, что не сложилась нормально жизнь, — спокойно ответит моложавая, ухоженная женщина. — Под утро я заснула, проснулась в пять, он не дышал».

«Вы должны были у него просить прощения, вы его родили больным, вы были против свадьбы, сватали для отвода глаз, всё старшим сыновьям, а безработному инвалиду, вы с отцом посчитали, хватит того, что братья будут содержать его после вас. Горе, положенное вашей семье, он стянул на себя, чтоб остальным счастливо жилось. Даже слёз в голосе не слышно, смирилась она», — с неприятием подумает Лера о Роза опе.

Абдулренат признается Лере, он и Нилю боялись не смерти — того конфуза, который иногда случается на смертном одре. Расслабляется сфинктер... Торжественный момент, а ты в испражнениях — этого они боялись пуще ада. Стыдно перед родными, которые должны будут за тобой прибираться, перед нечаянными свидетелями агонии. Лежа в больницах вместе с тяжелыми пациентами, они не раз наблюдали последний позор человека.

Мечтаю уйти из жизни стоя, заявит Абдулренат. Как это — стоя, удивится Лера. Без лежачки в немощи, когда всё под себя, ум за разум переходит, слов нет, одни стоны. Возможно, поэтому Нилюфар ушла из жизни таким чудовищным способом, объяснит Абдулренат. Возможно, подтвердит Лера и перейдёт к расспросам о Тамаре:

— Как вы познакомились с Тамарой?

— В очереди к табибу.

В девяностые-нулевые город заполонили всякого рода маги, экстрасенсы, целители. Лерина мама рвалась к некой Юлдузхон. Экстрасенс излечения не принесла; отец по-прежнему прикладывался к рюмке. Самым искусным целителем считался таиб Абдували. У расхваленного таибы имелся офис для приёма страждущих, предварительная запись. Пациентов встречал охранник славянской внешности в тибетейке. В офисе и вокруг толпились больные, окруженные сопровождающими. Кое-кто смертельно бледен, иные в инвалидных колясках, хныкающие дети. Удручающая картина.

¹ Хадис Аль Бухари.

Каждый занят собой или своим близким. Никто не задаётся вопросом, как один знахарь исцеляет столь разных больных.

В закуске регистрации девушка оформляла посетителей, брала плату за консультацию. За травы надо было платить отдельно, после осмотра табибом. Сборы продавала она же, регистратор. Девушка клиентам не забывала сказать, табиб собирает и готовит сборы сам; к нему обращаются те, от кого отказалась официальная медицина, «а он берется лечить». Насколько эффективно — не дано было знать новичкам.

Они сидели в ряд: Абдулренат, Алим, Тамара, Умида опа. Завязался разговор. Начали с того, что привело их в центр.

— Друзья настойчиво советовали, записали без моего ведома. Друзьям помогло, — оправдывался Абдулренат.

— Надо верить, обязательно поможет, — назидала Умида опа. — По вере нашей даётся нам.

— Верить в магов — грех, — встрял Алим. — В Писании сказано, даже колючка в тело вонзается не просто так. Чтоб задумались.

Ответ Алима понравится Тамаре. Она смело взглянет на юношу: прямой как стрела, открытое лицо, опрятно одет. За проявление интереса к нему, провинциальному парню, столичная девчонка понравится Алиму. Компания продолжит рассуждать о том, что пророк страдал от болезней.

Настала очередь Умида опы идти к табибу. Женщина вышла от целителя недовольной. Табиб Абдували сначала понравился мне, скажет отын-ой, в белой одежде, на голове тубетейка, окладистая борода. Мне не понравился выставленный им диагноз, проворчит бабушка Тамары.

Почтенная матрона не спеша, оценивая целителя и кабинет, прошла к столу, села напротив врачевателя. Намеренно не стала рассказывать симптомы, пусть угадает, что её беспокоит. Знахарь начал убедительно: пощупал пульс, осмотрел язык. И всё. Говорит:

— Гастрит, цистит и анемия.

— Уважаемый, у меня сахар, — промямлила женщина.

— Я и говорю: мочевины в крови.

— Мочевина? Сахар!

— Мочевина дает жажду. Кровь плохая.

— Да, жажда, но от сахара, не от мочевины.

— Часто по маленькому позывы?

— Да, но... — табиб не дал ей договорить:

— Я же сказал, цистит.

— Я заплатила большие для меня деньги за приём. У меня гастрита нет, у меня диабет, — женщина не сдавалась, показывала норы. Наглая пациентка взбесила целителя, но он не обрывал пациентку. — Может, травы посоветуете? Лекарство пить, что отраву, — Умида опа не унималась.

— Вы же не согласны, что у вас анемия. От анемии траву дам.

— Нет у меня анемии! — резко произнесла набожная женщина в лицо народному целителю.

— Что вы от меня хотите? — не выдержал табиб, излучая желание убить упрямую клиентку.

— Верните деньги. Ваш диагноз неправильный.

Знахарь подскочил со стула, дав понять, приём закончен. Буркнул:

— В регистратуре вам вернут деньги.

В холле Умида опа брюзжала: «Эти три диагноза есть у восьмидесяти процентов женщин. Если не три, не два, один — обязательно. Тычет пальцем в небо. Я тоже так смогу. Не имеет право брать деньги, безбожник».

Несмотря на неудовлетворённость Умида опы, Абдулренат вошёл к табибу, просить деньги обратно мужчине не пристало. Образу соответствует, отметит он; с порога признается, у него гемофилия. Целитель поможет сочувствием в глазах, посоветует сбор для правильной работы кишечника.

Взятый на всякий случай телефон Умида опы Абдула пустит в дело. Уговорит мать общаться с отын-ой. Женщины наследуют гемофилию. Сей медицинский факт мать отвергала. Не могла свыкнуться, что болезнь сыну передала она. Сын не винил её, однако не сомневался: в роду по материнской линии был его предшественник, скорее всего, умер в младенчестве; в памяти рода не сохранилось, какой младенец от чего умер. У него обнаружили гемофилию, когда начали резаться зубки; десна еле, но постоянно кровила.

Как прогнозировал Абдула, матери понравится общаться с отын-ой. Роза опа стала спокойной, самоуверенной. Было от чего: сохранилась великолепно, дом — полная чаша, послушные сыновья, образцовые снохи. Вдруг в почтенном семействе из-за Ни-

люфар чуть не революция свершилась. Визиты её подруги Леры Роза опа терпела, что с ней самой — не интересовалась.

После бесед с Абдулрэнатом Лера укрепитесь во мнении, Нилю не была фанаткой, разделяла лишь моральную силу веры менять людей к лучшему. Что касается происхождения жизни, вряд ли придерживалась Писания. «Кто побывал на краю, знают, по ту сторону бытия ничего нет, они почувствовали бы вторую, иную, жизнь с первых секунд небытия. Только когда врачи выдернут на эту сторону, появляются ощущения, тело, мысли, желания».

Как же три старика в белом, туннель, спросит Лера подругу об ощущениях в коме. Бред воспаленного сознания тех, чей мозг ещё функционировал, проводимость нервных каналов притупилась, но сохранилась, авторитетно заявит Нилю. «Ничего не видишь, не чувствует, ничто не беспокоит, ни о чём не думаешь, это временная смерть, пока не вытянут из комы. Медики умеют вытягивать из временной смерти, они, наверное, смогут вытянуть из полной смерти когда-нибудь. Хорошо бы! Когда научатся? Скорей бы».

«По мнению американских ученых, мозг не только не умирает вместе с сердцем, но, наоборот, начинает работать с удвоенной скоростью. Почти в 12 раз увеличивается выброс дофамина — гормона удовольствия, играющего важную роль в системе подкрепления и когнитивных процессах. Поэтому у людей может возникать чувство умиротворенности, с одной стороны, с другой — ощущение, что они очень быстро умирают. Об этом, кстати, рассказывают 65 процентов тех, кто пережил клиническую смерть. Кроме того, в момент агонии в 20 раз увеличивается уровень серотонина, из-за чего в мозгу активируется множество соответствующих рецепторов. Их, в свою очередь, связывают со зрительными галлюцинациями. Выход из тела, встреча с ангелами и духами, яркий свет в конце тоннеля — все это может быть результатом выброса гормона счастья». Смерть — это счастье?

Природа — думаете, Бог? — дарит жизнь, потом отнимает. Зачинать жизнь, чтоб затем уничтожить, когда этой парочке вздумается? Стоит ли напрягаться, если всё напрасно, жизнь оборвётся. Человек не успел насытиться, незримые ангелы смерти уже торопятся по заказанному адресу. Срок жизни определяется не по заслугам, выпадает одному большой, другому не очень. Человек не хочет умирать — это нормально! — но его насильно забирают из действительности. Кое-кто уходит добровольно.

Человек живёт двойной жизнью: реальной и вымышленной. Почему нельзя без физического бытия думать, вступать в мысленный диалог с оппонентом, вспоминать или сочинять то, чего нет в реалиях, но реализовано в мечтах? Хотя бы внутреннюю жизнь не забирали. Некоторым даже в земной жизни её одной достаточно.

Придёт время, заберут всё и у всех. Предпочитаем не помнить об этом моменте: «Почти ни один человек не думает о смерти, пока она не подошла к нему вплотную. Трагизм и вместе с тем ирония заключаются в том, что все люди на земле, начиная от диктатора и кончая последним нищим, ведут себя так, будто они будут жить вечно. Если бы мы постоянно жили с сознанием неизбежности смерти, мы были бы более человечными и милосердными»¹. О неотвратимости собственной ликвидации вспоминаем лишь в тяжелой болезни или при виде чужой смерти. Да и зачем помнить?

Окончание следует

¹ Эрих Мария Ремарк, «Жизнь взаимы».